

В ВИХРЕ ВРЕМЁН

ИНЖЕНЕР

«Крылья»
для Цесаревича

Андрей ВЕЛИЧКО

Кавказский принц

Андрей Величко

**Инженер. «Крылья»
для цесаревича**

«Махров»

2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Величко А. Ф.

Инженер. «Крылья» для цесаревича / А. Ф. Величко —
«Махров», 2010 — (Кавказский принц)

ISBN 978-5-04-092531-5

Когда до выхода на пенсию остаются считанные годы, особых карьерных перспектив, как правило, нет. Именно поэтому инженер Найденов не ждал от судьбы хоть сколько-нибудь существенных подарков. Но у нее на этот счет имелось свое мнение... Каким-то неведомым образом инженер оказался связан с цесаревичем Георгием, младшим братом императора Николая Второго, медленно умиравшим от туберкулеза в конце XIX века. И помог тому не только справиться с болезнью, но и обрести веру в собственные силы. Ускорит ли Российская империя свой прогресс, если его техническим обеспечением займется заслуженный изобретатель СССР Найденов? Исполнится ли мечта цесаревича о собственных «крыльях»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092531-5

© Величко А. Ф., 2010
© Махров, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Величко

Инженер. «Крылья» для цесаревича

© Величко А.Ф., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Обычно мемуары начинаются примерно с рождения вспоминающего и дальше идут двумя путями. Первый: я родился тогда-то и там-то. Потом вскользь о родителях, о месте, где они сподобились произвести на свет героя, и снова о нем же – первые воспоминания, вторые, третьи... И так далее, более или менее равномерно по времени.

Второй же путь начинается с исторической обстановки в момент появления на свет мемуариста, затем несколько фраз до того момента, как его жизнь стала действительно представлять интерес, ну а тут уже подробно и со вкусом. Такой путь более рискован – ведь если это только автору кажется, что он интересно описывает значимые события, а на самом деле нет ни того, ни другого, получается макулатура. Но я готов рискнуть. Итак...

Когда Сталин лежал в Мавзолее, а народ уже почти перестал задумываться – что же теперь будет, в семье механизатора и учительницы деревни Григорьево Калининской области родился сын. Когда этот сын – то есть я – начал ходить, Сталина из Мавзолея вынесли, а народ снова принялся чесать репу – вот теперь точно что-то будет!

Когда я уходил в армию, водка стоила два восемьдесят семь, а Леонид Ильич был мужчиной в расцвете сил. Когда же вернулся, наш национальный напиток шел уже по три шестьдесят две, а генсек бормотал из телевизора про сиськи-масиськи и сосиски-сраны... Через весьма непродолжительное время они именно такими и стали.

Когда я начинал трудовую деятельность, статус инженера был еще достаточно высок, а когда впереди, на расстоянии всего нескольких лет, замаячила пенсия, мое звание заслуженного изобретателя официально находилось всего на полступеньки выше статуса «бомж». Впрочем, это меня тогда не очень взволновало, а потом оно стало и вовсе по фигу – вот, собственно, и все вступление, пора переходить к основному тексту.

Глава 1

Из дневника ЕИВ великого князя Георгия Александровича

23 января 1899 г.

Сегодня грустный юбилей в моей жизни: вот уже минуло восемь лет, как закончилась моя служба в Российском императорском флоте.

Эти печальные для меня дни останутся в памяти до конца моей жизни, который, как я ясно понимаю, уже близок. Об этом мне говорят и красные пятна на моем платке, и глаза врачей, которые они прячут от меня. А как прекрасно начиналось то злосчастное плавание на броненосном фрегате «Память Азова» – встреча с Ники в Триесте, а дальше были великие пирамиды в Египте, усыпальница Великих Моголов в Индии. А потом был тот злосчастный декабрь, когда «Адмирал Корнилов» и «Память Азова» стояли на якоре на Бомбейском рейде и я почувствовал, что заболел... И окончательный диагноз – чахотка. Сейчас я понимаю, что виной всего этого была моя беспечность, сначала проводы после бала на «Азове» мм. N. на катере по холодному рейду в легком сюртуке, а затем сон у открытого окна на ледяном сквозняке вагона поезда после поездки к пирамидам в Египте. В это очень тяжелое для меня время как «луч света в темном царстве» было то незабываемое прощание моряков со мной, когда к трапу «Памяти Азова» для переправы на «Адмирал Корнилов» для меня подали катер, на котором гребцами были офицеры фрегата, а на руле сам командир – милый Н.Н. Ломен. А как самозабвенно кричали «УРА!» команды кораблей, когда мы покидали гавань...

1 февраля 1899 г.

Я чувствую себя совершенно одиноким. Вокруг высокие горы, как тюремные стены, и только единственное, что скрашивает мою жизнь здесь, в Аббас-Тумане, – это моя отрада – обсерватория. Как часто, смотря на холодные величественные звезды, я ловлю себя на мысли, что хочу воззвать к Господу нашему явить милость и милосердие – помоги рабу твоему Георгию. Ведь это так тяжело осознавать в 27 лет, что жизнь уходит из меня как песок меж пальцев и что, возможно, я не доживу и до 28 лет.

12 февраля 1899 г.

Этой ночью мне снился очень красивый, но непонятный сон. Я сижу на моторраде. Впереди и рядом – другие очень странных очертаний, разноцветные, на них пилоты в облегающих одеждах и шлемах наподобие рыцарских. Я чувствую, что волнуюсь... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее всех... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости.

Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... Но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится на бок и едет, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14.

Это невероятно, но он едет еще быстрее меня, и в результате закончил гонку я только третьим... Проснулся с мыслью, что мне надо больше тренироваться. Очень странный сон – и откуда такие слова: гонки, тренироваться...

14 февраля 1899 г.

Я не знаю, что же мне делать; этот сон мне снится уже третью ночь. Сегодня исповедовался отцу Константину, рассказал ему о моих снах и попросил совета. Он был явно в смущении и сказал, что я должен больше молиться, и Господь явит мне милость. Боже, помоги рабу твоему Георгию!

15 февраля 1899 г.

Сегодня я понял, что этот сон есть знак свыше и я должен научиться искусству езды на моторраде; решил не откладывать дело в долгий ящик. Вызвал к себе моего управляющего и попросил выбрать самую совершенную и быструю модель моторрада.

27 февраля 1899 г.

Управляющий доложил, что самым совершенным моторрадом является «мотоциклет» производства фирмы братьев Вернер. Их последняя модель в прошлом году экспонировалась в велосипедном салоне и приобрела большую известность быстроходностью, так как позволяла достичь максимальной скорости 35 верст в час. Фирма братьев Вернер, кстати, русских подданных, имеет магазин в Москве на Петровских линиях в доме Полякова, откуда они могут прислать моторрад и механика, чтобы его собрать. К тому же их московский представитель – один из братьев Вернеров – Ипполит Антонович – узнав, для кого мы покупаем моторрад, любезно вызвался сопровождать груз и дать мне несколько уроков езды на моторраде.

Рассказывает Георгий Андреевич Найденов – то есть я

Мелькают по сторонам последние домики, и теперь впереди только дорога. Скорее тропа, по которой я еду на антикварном мотоцикле. Гора слева и не то обрыв, не то вообще ущелье справа. Крым? Впереди небольшая осыпь, за ней левый поворот. Да что же я делаю?! Заднее колесо сносит. Почему-то даже не пытаюсь применить контрруление. Ногами тоже не работаю. Переднее колесо входит в занос, и мотоцикл кувыркается. Как будто растеряв абсолютно все навыки, я даже не пытаюсь оттолкнуться от падающей лайбы и сгруппироваться. Сильный удар вывернутым рулем в грудь. Ребра сломаны? Во рту кровь. Все. Конец. Больше ничего делать не надо, осталось только немного подождать, пока из меня вытечет жизнь. И тогда я проснусь.

Вот зараза, да что же это за дерьмо такое мне снится? Яркое, в цвете и даже с запахами. И вторую ночь подряд. Хорошо еще, что я от природы не нервный – более впечатлительная личность уже неслась бы к психиатру за таблетками или к экстрасенсу на рихтовку кармы. А меня хватает только на вялое недоумение, с чего это сны такие одинаковые. Кстати, мысль. Если опять приснится оно же, можно попытаться сравнить – действительно ли картинки абсолютно совпадают или просто похожи.

Больше в тот день ничего интересного, кроме заклинившего колена на одном из клиентских скутеров, не было...

А ночью я третий раз посмотрел тот же сон. Никаких, даже самых мелких отличий от первых двух просмотров зафиксировать не удалось.

Выходной. Валяюсь на диване и пытаюсь заставить себя мыслить. Итак, что мы имеем с гуся? Три одинаковых, во всяком случае, на мой взгляд, неразличимых сна подряд. Идеи?

Первая. Едет крыша. Мысль интересная, но весьма неконструктивная.

Вторая. Какая-то сволочь изобрела аппаратуру трансляции снов и теперь испытывает ее, гоняя мне один и тот же ролик. В принципе возможно, но почему такой странный выбор сюжета?

Третья. Сон вещий. Типа и куда ж ты, козел старый, еще и на мотоциклах гонять лезешь? Вот они, мотогонки-то, чем кончаются. Хм. Как-то я небольшой спец по вещим снам, может, обратиться к профессионалам? Еще бы понять, как среди сотен шарлатанов отыскать одного, который не совсем... Так что попробую сам. Представим себе, я внял и ни в каких мотокроссах ни в Крыму, ни на Кавказе участвовать не буду – так вроде и не собирался. Я больше по шоссейно-кольцевым, и ближайший этап в Курске, там ничего даже отдаленно похожего на пейзажи из сна отродясь не было. И не тянет снившееся мне на мотокросс. Скорее это что-то вроде первой поездки чайника. Вот именно. Продолжим.

Четвертая. Это не я там еду. Я просто ухитряюсь телепатически (а что? никто меня еще не уличал в отсутствии соответствующих талантов вроде) видеть кусок чьей-то жизни – причем, судя по содержанию, этот кусок финальный.

Попробуем поглубже развить эту мысль. Итак, кто-то вбухал очень неслабые деньги в мотоцикл начала прошлого века, которых вообще-то сохранились единицы. Абсолютно не умея ездить, данный оригинал намылился кататься по горам, где и убился. Причем когда я спал, у него там был день. И это было позавчера, если первый сон шел «в прямом эфире». Такая новость уже вовсю должна была бы обсуждаться в Интернете, если только дело не происходило в каком-нибудь южноамериканском или новозеландском медвежьем углу и трупик еще не нашли. Или же все сны были «в записи». Этаким привет из прошлого. Кстати, если из достаточно далекого прошлого, то и мотоцикл по тем временам мог быть не раритетом, и нулевая квалификация пилота вполне объяснима. Может, это даже какой-нибудь мой предок типа сводного троюродного прадедушки прорезался.

Чем-то мне эта версия нравится больше других. Кстати, я данный сон смотрю от первого лица – а смогу ли я вмешаться? Чуть сбросить скорость и повернуть руль, и предок выживет. А выжив, глядишь, еще и сотворит что-нибудь этакое. Вряд ли, конечно, но все равно интересно. Так что будем посмотреть...

День прошел как-то сумбурно, дела валились из рук. Наконец вечером я плюнул на все недоделанное, сел, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Что я видел в этих снах? В деталях? Мотоцикл с широким зю-образным рулем... ручки газа, кажется, нет... совсем древность мохнатая, вот манетка на раме... тормозов вроде тоже не наблюдается... амортизации точно никакой нет, даже самой зачаточной... Теперь вспоминаем действия пилота... Так, выехал из деревни... Блин, да он совсем рулить не умеет, как же так можно не навернуться... впереди небольшой подъем... он двигает манетку вперед, движок тарахтит резвее... переваливает горб дороги, рука опять дергается к манетке, хочет, видать, сбросить газ... и опять вцепляется в руль! Он же просто не может нормально управлять одной рукой! А скорость все увеличивается... если это можно назвать скоростью... так, уже примерно сорок... Дальше все ясно. Левый поворот ему не пройти. Если без моей помощи, конечно. Ладно, ждем ночи на предмет посмотреть сон в активном режиме, если получится.

Не буду вас томить, все получилось, причем не только все, но еще и кое-что сверх того. Вон на столе литровая банка с бижутерией (или как оно там называется – золотые брошки-колечки, камни всякие средней драгоценности) стоит, ждет конвертации в рубли или евро. И предок мой жив, хотя он мне вовсе не предок, уж настолько-то я свою родословную знаю. Зато тезка. Правда, еще не так чтобы уж совсем окончательно жив, это мне еще придется подсушиться... Но по порядку.

Бессонницы не случилось, я задрых вовремя и, как и надеялся, увидел дубль-4. Поначалу мои попытки вмешаться в управление имели нулевой эффект. Я и смотреть-то мог только туда, куда направлял свой взор персонаж (лучше бы на дорогу внимательней смотрел, чайник!). Но вот в момент, когда мотоцикл преодолел подъем... Видимо, степень свободы у горе-пилота кончилась, дальше любые его действия не меняли результата. Но это его, а мои этот результат изменили сразу на 180 градусов, причем в обоих смыслах – и в переносном, и в буквальном. Как только зад пошел в занос, я слегка повернул руль вправо, потом резко газ до упора, левая нога и руль влево. Газ на себя, мотор глохнет. Неплохо получилось, полицейский разворот без тормозов и одной рукой, это не каждый может. С другой стороны, мотоциклом этот аппарат можно назвать только из вежливости, так, велосипед с моторчиком. В общем, слез я с этого пепелаца, заодно рассмотрев его сбоку – похож на первую Индиану, только бак совсем маленький и расположен над задним колесом, как у «Риги-одиннадцать». Хотел присесть, но тут персонаж из моего сна перехватил управление и сел сам. Я опять мог только смотреть. И слушать. Слушать? Или как это – принимать телепатемы? В общем, примерно так:

– Ты спас меня сейчас, Я Из Сна? (это он так и подумал, с заглавных букв). Надолго ли?

– Я-то я, но не то я, которое ты, а которое наоборот я... Тьфу, блин! Ну ладно, в общем спас. Из какого еще сна?! Тебе тоже ролики снились?

– Мне снился красивый, но странный сон. Много раз – один и тот же. Я сижу на моторраде (точно, термин «мотоцикл» появился не сразу, как их только ни называли). Впереди и рядом другие... разноцветные, на них пилоты в странных одеждах и в шлемах наподобие рыцарских... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее всех... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости. Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... Но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится на бок и едет, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14 – это невероятно, но он едет еще быстрее, чем я...

Ага, понятно, что ему снилось. Прошлогодня гонка М1 на подольской трассе. Не занял я там ни первого, ни второго места. Не помог мне мощный мотор, Иван меня обошел сразу, а на десятом круге и Сергей. Да что там, я и Василия-то обогнал только от того, что он упал. Тренироваться надо было больше.

– Понятно. Тебе действительно снился кусочек моей жизни. Ну а дальше? Ты что, именно в результате увиденного этот свой кошмарик на колесах заимел?

– Это было... ну не знаю, как сказка. Я, в общем, догадываюсь, что жить мне осталось немного. Хотя прямо никто не говорит... но... Почему-то захотелось наяву испытать такое. Выписал моторрад. Только он оказался вовсе не таким, как тот. Да и я мог управлять им совсем не так, как ты. Вот сегодня я рискнул первый раз выехать из Аббас-Тумана... Ты сам видел, что было дальше. Я бы точно разбился без твоего вмешательства?

– Не так чтобы разбился, сломал бы пару ребер... Но почему-то помер бы от этого (и что же это я за скотина такая нетактичная?)

– Почему-то? Чахотка. Давно и серьезно.

Т-а-ак... Чахотка... Аббас-Туман... То есть, скорее всего, Абастумани...

– Слушай, персонаж, – по возможности вежливо осведомился я. – А как тебя, болезного, зовут? И какой тут сейчас у вас год?

Д-а-а, дела. В процессе беседы со своим визави я как-то незаметно проснулся. Потом встал, оделся, закурил – нужно было потянуть время, дабы привести мыслительный процесс в относительную норму. Спасаемый оказался моим тезкой. Имя – Георгий. Отчество – Александрович. Фамилию он не назвал, но выдал титулы и звания. Шеф девяносто какого-то Иркутского пехотного полка. Атаман казачьих войск. Ну и на закуску – великий князь, и не просто мелочь какая-нибудь великокняжеская, а цесаревич и наследник престола. Про год я и сам догадался – 1899-й. Все это время связь с ним не прерывалась – он, похоже, просто молчал, я давился непечатными эпитетами. Еще сильно мешала невозможность увидеть собеседника – я мог либо своими глазами смотреть на свою же комнату, либо его глазами на летний грузинский пейзаж.

– Жалко, что я тебя не вижу, – подал голос Георгий.

Мне тоже было жалко, и вдруг показалось, что если повнимательнее присмотреться в-о-он туда, то вроде...

– Что это? – Георгий привстал, он тоже что-то почувствовал.

Дальнейшие события заняли гораздо меньше времени, чем теперь потребуется на их описание. На стене, куда я пялился, вдруг образовался небольшой, сантиметров двадцать в диаметре, круг. Вроде иллюминатора, за которым стоял в напряженной позе и смотрел мне в глаза сухошавый бледный молодой человек. И тут началось. Как будто от могучего пинка снаружи открылась форточка и с грохотом ударилась об угол стены. Воздух со свистом уходил в «иллюминатор», захватывая по дороге бумаги и всякий мусор. Георгий отшатнулся от бейсболки, летевшей прямо ему в лицо, я тоже отвел глаза... Безобразие прекратилось.

Так, что там Георгий делает? А он с интересом рассматривает мое барахло. Прочитал надпись «Motul» на бейсболке, отложил ее в сторону и теперь вертит в руках столик.

– Интересные у вас деньги, надо же, маленькие какие (это ты еще советского рубля не видел, подумал я). И год интересный... тысяча девятьсот девяносто седьмой?

– Две тысячи восьмой.

– Вот даже как... Некоторые считают, что к этому времени должен наступить золотой век.

– Это они сдуру. По мнению наших историков, золотой век был при Екатерине. У вас сейчас, как они считают, серебряный.

– А у вас, значит, бронзовый?

– Точно не знаю, но вряд ли – бронза так не пахнет.

Я начал потихоньку понимать, что произошло. Москва находится почти на уровне моря. Абастумани на километр с хвостиком выше – имеет место быть разница давлений. Произошедший только что мини-ураган наглядно показал, что дырка между временами (или реальностями, потом уточним терминологию) была не иллюзорной, а вполне реальной. Перенос предметов отсюда туда возможен, вон они лежат на травке. Как насчет «наоборот»?

– Гоша, – осведомился я (он мысленно хмыкнул), – ты не хочешь слегка продолжить исследование данной катаклизмы? Или там хроноклазмы?

– Я только что хотел задать тебе именно этот вопрос.

– Тогда минутку, – я быстро убрал все, что могло сдуть в дыру, распахнул не только форточку, но и окно. – Значит, пытаемся снова открыть портал, и ты пропихиваешь мне какой-нибудь мой предмет и какой-нибудь свой, хоть булыжник...

– Мы сделаем лучше. Открываем?

На сей раз дыра сразу получилась раза в три больше, а напор воздуха – несколько слабее.

– Попробуй еще увеличить! – Георгий с трудом сделал шаг против ветра. Края дыры поползли в стороны. – Руку давай! Ну что стоишь, меня же сейчас снесет!

Я схватил протянутую руку и вдернул Георгия в комнату (думать потом будем, тащить надо, пока меня туда не выдуло – мелькнула мысль). Дыра схлопнулась. В комнате медленно оседала поднятая ветром пыль. Георгий с интересом оглядывался.

– Ну ты и авантюрист, ваше высочество, – перевел дух я.

– Какой есть. И как, кстати, к тебе обращаться? Полным титулом ты мне не представился.

– Старший сержант запаса. Это благородие или не очень? В общем, обращайся по имени.

– Тогда и ты тоже. Вот только почему ты меня назвал Гошей?

– Потому что это принятое у нас сокращение от «Георгий». Жорой я тебя называть не могу, это я Жора, а Жорж... Даже не знаю, мне это имя кажется каким-то (чем бы заменить «педерастическим», быстро!)... э-э-э... немужественным.

– Тогда ладно, зови так. И почему же, интересно, я авантюрист?

– Ты уверен, что мы сможем открыть портал, когда оба на одной стороне, а не каждый на своей?

– Даже если и нет – моя участь что, сильно изменится к худшему? И чего гадать, надо попытаться. Либо он откроется, либо нет.

– Погоди.

Я достал капроновый шнур, один конец привязал к батарее, другой свернул и бросил рядом с углом, в котором предполагалось открытие портала.

– Теперь мы оба идем ко мне? – уточнил Георгий.

– Да. Готов? Начали!

Нахождение обоих «операторов» по одну сторону портала не повлияло на его открываемость. Дыра образовалась именно там, где мы хотели, причем сразу нужного размера. Георгий сделал два шага по ветру, я, зажав в кулаке веревку, шагнул за ним и вывалился в Грузию. Обернулся – там, вместо моей комнаты, была скала. И аккуратно обрезанный кусок капронового шнура.

– Приветствую тебя на земле Российской империи, – улыбнулся Георгий.

– Да, действительно, чего это я тут разлегся.

Я встал, отряхнулся и огляделся. Подсознательно искал чего-нибудь такого, на что глянешь и сразу поймешь, что ты в другом мире и тут вам не там! Но ничего особенного не наблюдалось. Горы как горы.

– И где это мы?

– Зекарское шоссе, близ Аббас-Тумана.

– Это шоссе?

Я с сомнением оглядел узенькую, кривую и ухабистую дорожку, местами засыпанную щебнем. Впрочем, и у нас «шоссе» не лучше бывает, но, правда, всегда шире.

– Интересные теперь открываются у нас возможности... – Георгий запнулся, явно хотел сказать что-то еще, но просто смотрел на меня. Я понял.

– Хочешь спросить, лечат ли в нашем времени туберкулез? Лечат. Не так чтобы мгновенно и радикально, но лечат. То есть таблетки, которую слопал и здоров, нет. Надо лечь в клинику, даже не знаю точно насколько. Но это вполне возможно, я узнаю, если хочешь.

– Странный вопрос. Ты бы на моем месте отказался?

– И еще. Блин, как бы это сказать... Ты только не думай, что я из тебя тяну...

– Лечение не бесплатное?

– Есть и бесплатное, но от него сам помрешь, без всякой палочки Коха.

– Ясно. Деньги у меня, как ты понимаешь, есть, но ведь они у вас не имеют хождения? Тогда драгоценности?

– Наверное, да. Только не очень уникальные, а то их не реализовать будет.

– Сколько?

– А хрен его знает. Горсть. Или две. Я узнаю, сколько надо на лечение, потом цены...

– Давай сделаем наоборот. Я сегодня же отдам тебе все, что смогу собрать. Ты узнаешь все необходимое, и не экономь, если не хватит, еще добавлю. И что ты на меня так смотришь?

– У нас, понимаешь, как-то не принято при первом знакомстве сразу доверять значительные суммы...

– У вас там что, людей нет, одни воры?

– Люди есть, но и воров... явно могло бы быть поменьше. И, кстати, вон там – это кто скачет?

– Похоже, это казаки за мной.

– Ладно, тогда мне пора.

– До встречи. Открываем?

Портал открылся без проблем, я нагнулся, ухватился за конец веревки и втянул себя в комнату. Бардак, однако, тут образовался от всех этих переходов туда-сюда, надо будет что-то придумать на будущее.

За приборкой квартиры я не сразу обратил внимание, что чего-то вроде не хватает. Сосредоточился и понял – кошки. Ветром бедную небось выдуло... И где же она теперь?

– Имеется в виду вот это пушистое существо? – раздался у меня в голове голос Георгия. – За нее не волнуйся, мы уже познакомились. Ты не против, если дама погостит у меня некоторое время? Отборными мышами мы ее обеспечим.

Глава 2

Наконец-то у меня появилось время в спокойной обстановке обдумать происходящее. Цейтнот кончился, Гоша поправляет здоровье в платной клинике, иногда связываясь со мной по майлу или мобильнику – когда мы оба в одном мире, телепатическая связь не действует. Кошку он вернул, и вредное животное мне теперь каждый день мявкает, что, мол, жизнь в трехэтажном коттедже на Кавказе ей, кошке, нравится больше, чем в трехкомнатной квартире в Москве. То есть проблему, что делать с возможностью перехода в другой мир, кошка для себя уже решила. Но у меня, в отличие от этой хвостатой, ясности нет. Кстати, мир там действительно не наш, у нас дата смерти цесаревича Георгия осталась прежней во всех источниках. Можно туда перебраться на ПМЖ. Тем более у меня там уже есть ну не то чтобы титул, но имя. Даже ИМЯ, пожалуй. Дело было так. Обсуждали мы с Гошей детали его предстоящего лечения, и возник вопрос: а как объяснить, куда это он отправился? Идеи про любую из клиник их мира отпали сразу, персоны такого ранга в одиночку не путешествуют. Пришлось мне слегка подумать, после чего я изрек:

– Ты отправишься на лечение к Горному Старцу. Без сопровождающих, потому как к Старцам такого уровня святости толпой не ходят. Напишешь об этом записку, что типа это твой последний шанс, и сюда.

– К какому Старцу? – не врубился Гоша.

– Ну у вас ведь там горы кругом, куда ни плюнь. Могут в них водиться Старцы повышенной святости? Еще как могут, никто ж не проверял! Живет он себе, например, в пещере, проводя дни в посте, молитве и постижении дао, ну и решил вот для разнообразия цесаревича излечить.

– Насчет дао – это обязательно?

– Да хоть мяо, нам, Старцам, всякие мелочи по фигуре.

– Наверное, искать начнут...

– И пусть себе ищут хоть до посинения. Ты, когда вернешься, объяснишь, что Горные Старцы – они такие, хрен их найдешь без должного просветления в душе.

Так что при желании можно попросить Гошу, я думаю, не откажет наследник объявить народу, что Старец решил снизойти: мол, познакомьтесь. Но только не вдохновляет меня знание того, что там должно начаться через пять лет, а особенно через пятнадцать. Неплохо бы, конечно, в меру сил попытаться все насквозь изменить, однако, скорее всего, хрен там – не политик я ни разу, сожрут. Или не сразу сожрут, дадут время адаптироваться? Можно эту функцию возложить на Гошу, а самому изредка подавать умные советы. Если он их будет слушать, особенно после пары-тройки ляпов, а без них вряд ли выйдет. Так это и отсюда не хуже получится!

Можно плюнуть на возвышенные материи и просто помогать Гоше, когда попросит, потому как интересно и наверняка хорошо отразится на кармане. Скорее всего, так и сделаю, но только после того, как Гоша задаст мне главный вопрос. Или ответит на мой, если не задаст. Что делать с Николаем? Про три революции Гоша уже много чего прочитал, и роль самодержца там, как правило, описывается ярко и выпукло. Ликвидацию с полным Гошиным алиби провести технически нетрудно – чего там, открыть портал да стрелянуть или бомбу бросить с надписью: «Дорогому государю от благодарных левых эсеров». Прекрасно понимаю аргументы «за»: да как же, на кону жизнь миллионов, и все они должны умереть только от того, что я не хочу сжечь пару патронов?! Может, оно и так, но не наверняка: а вдруг в результате вмешательства станет еще хуже?

Аргументы «против» тоже есть. Провернули мы, положим, это дело. И даже пусть Гоша окажется великим императором, при котором все подряд процветет до дальше некуда. Но

ведь наверняка когда-нибудь у него со мной возникнут разногласия. И вот он, отправивший на смерть любимого старшего брата, сколько миллисекунд он будет сомневаться насчет моей дальнейшей судьбы?

По аналогичной причине не вдохновила меня и мысль предоставить портал благодарному человечеству. Оно ведь в лице своих лучших представителей (всенародно избранных или не очень, не важно) мгновенно законопатит меня в самую хорошо охраняемую камеру, какую найдет, а потом наворотит такого, что я там сам удавлюсь.

Вопрос с клиникой для лечения Гоши решился за два дня. Через одного знакомого врача я вышел на спеца по туберкулезу, который уже и представил меня в единственной платной клинике данного профиля, это которая около платформы Яуза. Я выдал легенду. Мол, один мой друг, человек весьма состоятельный, хочет подлечить сына. Этот сын в молодости малость поехал крышей на каких-то славянофильских идеях и ушел в народ, причем глубоко ушел, его долго искали. Когда наконец нашли, обнаружилось, что он где-то подхватил ТБ. Лечить надо инкогнито, так как наличие такого сына мой приятель не афиширует. Потому и сам этим не занимается, попросил меня. Нужна отдельная палата, и чтобы персонал не обращал внимания на некоторые безобидные странности пациента. Разумеется, вопрос с деньгами даже не стоит, сколько надо, столько и будет, не стесняйтесь.

На следующий день Гоша на своем мотоцикле подъехал на знакомое нам обоим место, откуда был транспортирован в нашу Москву. Вид у него был – краше в гроб кладут. Похоже, в своем мире он и без аварии долго не протянул бы. Я отвез его на север Москвы и сдал медперсоналу.

– Случай очень запущенный, – сообщил мне врач, суя в карман очередную пачку денег. – Но я думаю, все будет хорошо.

К вящему удивлению медиков, первичная фаза у Гоши закончилась через три недели. Мне-то это было примерно понятно, его позапрошлековые бактерии, не успевшие привыкнуть к антибиотикам, даже от стрептомицина дохли как мухи, а их травили и более серьезными препаратами. Так что на днях Гоша отправляется домой. За время лежания в клинике он вполне освоился с ноутбуком и продуктивно набивал диск вытащенной из инета информацией. Поначалу он пытался экономить место, но я, широко разводя руки, все-таки сумел ему объяснить, что такое сто гигабайт. Предвидя, что у него возникнет масса вопросов, я заранее обновил в памяти устройство автомата Калашникова – и сел в лужу. Данный девайс его не заинтересовал. Он спросил только, как, с моей точки зрения, «мосинка» плохая винтовка или не очень, и, получив ответ: «Не идеал, конечно, но в общем весьма неплохо», переключился на более интересные вещи. Интересовали его возможные варианты решения земельной проблемы в основном. Кроме того, он много скачивал про флот (линкор «Ямато» его потряс). Но это не шло ни в какое сравнение с совершенно детским восторгом перед авиацией. К его счастью, про летающие машины я мог рассказать если и меньше, чем про двухколесные, то ненамного. Кабы не легкая близорукость, то я бы, наверное, стал летчиком, а не инженером. В детстве летал на планере БРО-11, потом построил самодельный самолет (по сути, тот же БРО с мотоциклетным мотором), летал уже на нем. Да и сейчас в серпуховском аэроклубе я не самый редкий гость. Узнав эти факты моей биографии, Гоша взял с меня обещание помочь ему с постройкой самолета в его мире и, услышав: «Ты давай выздоравливай, а аэроплан мы потом с тобой за пару недель соорудим», еще полдня мне названивал, уточняя летные характеристики своего будущего чуда техники.

Пока Гоша лечился, я на остатки его средств прикупил еще один гараж, рядом со своим. Двери у него прочные, коробка кирпичная, разницу давлений между Москвой и Абастумани вполне выдержит. Это чтоб не устраивать при всяком открытии портала бардак в квартире, да

и не очень там удобно – супруга, хоть и живет сейчас с дочерью, на предмет нянчить внука частенько там появляется.

Ну вот, блудный сын возвращается к себе на Кавказ. Лечение явно пошло ему на пользу, изможденность в облике пропала, лицо малость округлилось. Я привез его в гараж, он переоделся в свои шмотки, взял под мышку ноутбук и сказал, что он готов.

– Минутку.

Я открыл соседний гараж с моей мототехникой и подозвал его.

– Ты, конечно, можешь вернуться на чем приехал, не нужен мне твой «Вернер». Но больно уж убогий это механизм, да и опасный. Если хочешь, вот тебе типа подарок, он помощнее и ездить на нем не так страшно.

Я показал на стоящий у двери китайский мопед. Гоша сначала с восхищением его оглядел, но потом посмотрел в глубь гаража, сравнил со всей стоящей там техникой... Тут, пожалуй, я сделаю небольшое отступление. Кошка живет у меня уже десять лет. А до нее жил крыс. Умнейшее было существо, жаль, что век у него такой короткий. Так вот, у нас с крысом была традиция – мы ужинали вместе. Ставилась тарелка мне и маленькое блюдечко крысу. Он важно взбирался на стол, подходил к своему блюду, потом к моей тарелке, сравнивал ассортимент... И как же он обижался, если у него в блюде чего-то, по сравнению с моей тарелкой, не доставало! Вот и Гоша сейчас выглядел, как тот крыс.

– Ладно, ты сначала на этом научись нормально ездить, со скоростями разберись и сцеплением, а там и помощнее тебе организуем, – утешил его я. – Ну что, двинули?

Мы с Гошей и мопедом перешли в соседний бокс, закрыли двери, открыли портал...

– Стой!

Что-то было не так. Я всмотрелся в запортальную картину. Время суток в Гошином мире, по моим наблюдениям, было часов на шесть впереди московского. У нас день, там должен быть вечер, а виден явно полдень... И масло... Перед затаскиванием в портал из Гошиного пепелаца пролилось немного масла, вон как раз на тот камешек – и оно там до сих пор, как будто прошло пять минут, а не месяц.

– Ну-ка, посмотрим...

Я снял с руки часы, запомнил время и бросил в портал.

– Закрываем и ждем десять минут.

Закрыли и подождали. Потом открыли. Я взял часы с кавказского гравия, посмотрел, положил на пол гаража.

– Все ясно, пошли.

Мы вышли сами и выкатили мопед на Зекарское шоссе.

– Что тебя так заинтересовало? – осведомился Гоша.

– Время. Когда мы оба в одном мире, время в другом, где ни одного из нас нет, стоит.

– То есть как? – Почему-то Гошу это очень удивило. – Не может быть, чтобы время всей Земли зависело от меня!

– А чего тут такого? Ты, например, команду «Кру-гом!» выполнять умеешь? И ничего, что при этом не только Земля, но и вся Солнечная система с остальной вселенной до кучи вокруг тебя вертится?

– Но это же только кажется!

– Вовсе нет. Все зависит от того, что принять за начало координат. С временем тоже может быть аналогично, во всяком случае Эйнштейн так считал. Равномерно и прямолинейно оно течет только для наблюдателя внутри системы, а для внешнего скорость течения времени может быть любая, от нуля до бесконечности. А тому миру, где нас нет, мы как раз внешние наблюдатели. В общем, почитай общую теорию относительности или лучше – книжицу «Теория относительности для миллионов», там подобные вещи рассматриваются.

– Да? Чудны дела твои, господи... Выходит, я вернулся в тот же миг, что и ушел. Но это значит, что история с Горным Старцем была придумана зря?

– Ну как же зря. Это, наоборот, Старцу в плюс, что он тебя смог исцелить не за месяц, а мгновенно, да еще вдобавок успел твой мотоцикл кардинально улучшить. Ты на себя посмотри и сравни с тем полутрупом, что приехал сюда пять минут назад по времени этого мира! Тебя еще и узнают небось не сразу.

Мы договорились о том, что надо организовать место для открытия портала у Гоши во дворце, он обещал подобрать подходящее помещение, чтобы избыточное давление при открытии не вышибало окна-двери, ну и вообще чтоб этот процесс не вызывал излишнего ажиотажа. После чего я отправился к себе, а Гоша, еще пару раз напомнив про самолет, к себе.

Глава 3

До того как начать выполнять свое обещание про аэроплан, я съездил в Курск, пропустить очередной этап гонок не хотелось. Да-а... Я и раньше подозревал, что, если не тренироваться хотя бы два раза в неделю, результат будет соответствующим. Именно таким он и оказался – шестое место. Это при том, что на старте было одиннадцать человек, двое из которых до финиша просто не доехали, ибо не поделили поворот и слегка столкнулись, а еще двое участвовали в гонках первый раз в жизни. И, на закуску, какой-то местный корреспондент с неуместным восторгом еще распространялся перед камерой в том духе, что для такого возраста это просто замечательный результат. С расстройства я начал серьезно обдумывать идею предложить Гоше организовать многодневные международные гонки в пику «Турист Трофи», типа «Золотое кольцо Кавказа». Вот они там на своих трехколесных «Де Дионах» со склонов-то покувыркаются! А для ажиотажа приз – например, золотое кольцо, символизирующее маршрут, метрового диаметра и весом с мотоцикл. А что? Не разорится цесаревич, я же никому не скажу, что оно внутри свинцовое.

По прибытии домой я связался с Гошей, послушал новости. Оказывается, после его отъезда на лечение прислуга успела найти записку и отнесла ее лечащему врачу, Айканову. Он как раз соображал, что же теперь делать, когда во всем блеске явился Гоша. После недолгого осмотра доктор впал в ажиотаж и галопом помчался к телеграфу, вызывать подмогу. Через день приехало случайно перехваченное в Тбилиси (то есть тьфу, Тифлисе) петербургское светило по фамилии, кажется, Бирюля. На пару с местным доктором они сутки измывались над Гошей и в конце концов вынесли вердикт: здоров. Правда, советовали еще некоторое время не покидать Кавказа, во избежание... Тут я, кстати, был с ними солидарен.

Тем временем новость облетела Аббас-Туман. К Гоше явилась депутация аборигенов, узнать подробности. В процессе этого был задан робкий вопрос о конфессиональной принадлежности Старца. Гоша заверил, что с православностью у того все в порядке, вплоть до святости, и Старец не канонизирован только потому, что он еще жив. Еще Гоша подчеркнул, что искать Старца – дохлое дело, он открывается только достойным. В результате местная церковь второй день набита до отказа, и иногда образуется небольшая очередь на улице. От врачей во все стороны полетели телеграммы. Гоша тоже написал несколько писем, в том числе, естественно, и старшему брату. Кстати, написанию этого письма предшествовал любопытный диалог.

– Пишу письмо Ники, – поделился со мной Гоша. – Знаешь, даже как-то неудобно лгать...

– Да зачем же такие крайности? – изумился я. – Писать надо чистую правду.

– То есть как? – в свою очередь, изумился Гоша.

– Откуда я знаю, как ты письма пишешь, наверное, от руки. А вот что – сейчас подумаем.

Давай для начала уточним, что во всей этой истории является чистой, неоспоримой и ничем не замутненной правдой. Итак: повинуюсь зову своей души и указаниям свыше, ты нашел путь в обитель Старца. Хоть полслова неправды есть? Едем дальше. Старец встретил тебя, лучась мудростью, неземной добротой и еще хрен знает чем. Неужели скажешь, что у меня на морде все это не написано? Тут главное – всмотреться повнимательней, с искренним желанием увидеть.

– Ладно, чем ты лучился, я опишу, – фыркнул Гоша.

– Дальше. Старец тебя не исцелял, и так писать нельзя. Он всего лишь организовал этот процесс – вот как выглядит чистая правда, значит, именно ее и надо донести до читателя. То есть стоило только Старцу снизойти до твоих проблем и пожелать, чтоб ты выздоровел, – и все, через мгновение болезнь исчезла! Слова «по часам этого мира» мы опустим как несуществен-

ные. Ну и дальше в таком же духе, главное – быть предельно правдивым, это, кстати, очень важное умение для политика.

Дальше, понятное дело, беседа повернула на самолет. Я уточнил, каких досок надо заказать (сосновых и немного буковых), сказал, что в качестве обшивки нужен перкаль, но, в принципе, сойдет и ситец. С местным лаком я решил не рисковать, сам притащу эмалит. Озвучил требования к аэродрому, чтобы Гоша заранее озадачил народ найти подходящую площадку и разровнять ее при необходимости. Наконец, выяснилось, что для меня уже выделены комнаты во дворце в комплекте с прислугой. Для кошки тоже, отдельно.

Пользуясь царящей вокруг суетой, Гоша объявил, что выписал к себе известного гениального изобретателя, новозеландца русского происхождения по имени Джордж Найденофф (который в процессе окончательного обрусения станет Георгием Найденовым). И что тот на днях приедет и построит наследнику русского престола невиданную летающую машину. Это будет уже вторая моя аватара в том мире, Горного Старца решили в это дело не впутывать, не по чину ему такое.

Новозеландцем меня сделали потому, что за своего в том времени я бы никак не сошел, а тут эвон откуда – с другого края Земли. Там вообще от хутора до хутора десятки верст дремучей тайги с людоедами, даже в магазин за водкой несколько дней пути, поневоле самолет изобретешь, если не антиграв.

В качестве транспорта я приобрел себе простенький квадроцикл и ободрал с него пластик, чтобы не смущать народ видом незнакомого материала. В раздетом виде квадран вполне напоминал самобеглые коляски того времени, только что с непривычно широкими колесами. Дальнейшее уже потихоньку становилось рутиной. Гоша приехал на знакомое место «шоссе», и через открытый портал в Россию девятнадцатого века вкатился известный изобретатель, механик и электрик на своем автомобиле. Высокого гостя сопровождала кошка. Гоша поехал вперед, показывать дорогу, я двинулся за ним.

А на следующий день Гоша был потрясен до глубины души, да и мне тоже стало не по себе. Дело в том, что у него была невеста, греческая принцесса Мария. Никаких особых чувств между ними не пылало, планировался обычный династический брак... И вот мы узнали, что двадцать восьмого июня, в день несостоявшейся Гошиной смерти, девушка слегла с сильнейшим жаром. Врачи оказались бессильны, и вечером следующего дня она скончалась.

На Гошу жалко было смотреть, я даже забеспокоился, не вернулась ли болезнь.

– Как же так? – растерянно сказал он. – Я ведь читал про ее судьбу в больнице, в вашей истории она жила еще долго! Почему же сейчас так?

– Ты и сам понимаешь почему, – вздохнул я. – Потому что в той истории умер ты. Если раньше у меня были сомнения насчет портала, а вдруг это просто у нас с тобой свойство такое, от природы, то сейчас... Вмешалась какая-то высшая сила и произвела рокировку. Не спрашивай зачем – не знаю.

– Но ведь тогда все бесполезно, – воскликнул цесаревич, – если, спасая одних, этим я обреку на смерть других!

У меня были аналогичные сомнения, но я твердо сказал:

– А ты что, тоже высшая сила? Это ей так захотелось – одного спасти, другую наоборот. А ты спасай по-простому, не оглядываясь на закон сохранения, тебе можно. Но, пожалуй, стоит твердо уяснить одну вещь. Без всяких вмешательств свыше спасение кого-то одного вполне может повлечь смерть другого. И вопрос тут стоит так – либо вообще ничего не делать, либо иметь в виду такую вот неприятную особенность мироздания. А Мария... Жалко девушку. Но даже если ты прямо сейчас застрелишься, вряд ли она оживет.

Весь день Гоша ходил задумчивый и не вспоминал о самолете. Но на следующий он зашел ко мне и сказал:

– Прости меня за слабость. Мария умерла, чтобы я мог что-то изменить в этом мире, ты прав. Ты мне поможешь? Я не только про самолет, я вообще!

– Куда ж мне деться с подводной лодки – и вообще помогу, а пока давай начнем с аэроплана.

За две недели мы самолет не построили, мой отдых на горном курорте затянулся на месяц. Работы происходили в большом сарае рядом с дворцом. Кстати, поначалу я офигел – дворец оказался деревянным! Трехэтажным, с колоннами, верандами и башенкой на крыше. Очень красиво снаружи и удобно внутри, но меня сильно напрягала пожарная безопасность. Я просто не мог понять, почему это до сих пор не сгорело, и на всякий случай наташил из Москвы огнетушителей. Правда, там никто не курил, я тоже выходил смолить на улицу, то есть в дворцовый сад, там нашлась небольшая беседка, которую я тут же оборудовал консервной банкой для бычков.

Строили мы классический вариант легкого самолета – цельнодеревянный подкосный высокоплан, хохлы и французы называют такую схему «парасоль». В качестве мотора я приволок пятидесяти сильный «Ротакс» – при всем их консерватизме и, как следствие, не очень высоких удельных параметрах это исключительно надежные движки. Рабочей силы мне было выделено трое казаков, хорошо знающих столярное дело. Они пилили, строгали и клеили, а мое время поровну распределялось между руководством работами и объяснениями Гоше, что, собственно, делается и зачем. В перерывах я гулял по поселку, в основном на квадре. Никакого ажиотажа он, кстати, не вызвал.

Аббас-Туман представлял собой одну улицу длиной около двух километров, вдоль речки Абастуманки. Дома были в основном довольно богатые, многие двухэтажные или с мансардами. Познакомился я с настоятелем местного храма, отцом Константином. Он, кстати, мне сказал, что строящаяся новая церковь – это на деньги Гоши, он выделил более ста тысяч рублей. Про обсерваторию, построенную на его же средства, я и раньше знал. Не очень типичный великий князь, обычно, судя по многим источникам, их денежные потоки были направлены не из кармана, а наоборот. Вообще, местный народ с большим уважением отзывался о Гоше, и это было не заученное «их высочество милостиво повелеть соизволили».

Вечерами мы беседовали с наследником о вариантах его будущего – ну и России заодно. Собственно, Гоша сразу понял, что при попытке решения любой проблемы у него будут две трудности – первое, как это правильно сделать? Почти всегда вопрос неоднозначный. Второе – как убедить Николая поступить именно так? То, что вынудить его выслушать и согласиться можно, Гоша не сомневался. Еще меньше сомнений было в том, что в конце концов Николай поступит по-своему. Была мысль раскрыть действительное положение дел, но от нее, подумав, отказались. Удержать в тайне такое Николай не сможет, а когда информация расползется... Да первым делом Гошу грохнут, желающих и искать не придется. Решили для начала составить мини-список пророчеств Горного Старца, для обретения должного авторитета по мере их сбывания (ну не сбычи же?). И еще я посоветовал Гоше создать концерн.

– Я не очень помню, что под этим подразумевается?

– Подконтрольная тебе организация, содержащая промышленные и торговые предприятия, банки, информационные и силовые структуры. Нечто вроде вашего треста, но более самодостаточное. При любом раскладе лучше, если ты будешь иметь влияние в политике и экономике, отличное от того, что ты просто брат царя.

– И какие промышленные предприятия ты предлагаешь создать?

– В порядке очередности: авиационный завод, моторный, радиоэлектротехнический, потом автомобильный. Ну и небольшое планово-убыточное оружейное производство, для обеспечения своих силовых подразделений.

– Всего-то.

– А кто говорил, что будет легко?

– Информационные структуры – это газеты?

– Не только. Телеграф и телефон. Издательства... Еще технический вуз не помешал бы. Ну и специальное подразделение для распространения нужных слухов и пиара.

– Это слово у вас имеет странное значение, в отличие от своего английского прототипа, чаще употребляется в смысле... эээ... у вас еще говорят «обо...ть».

– Черный пиар. Тоже нужная вещь, без этого никак.

Наконец самолет был готов. Гоша рвался участвовать в первом полете, но я твердо объяснил ему, как называется индейское жилище. Аэроплан был притащен на взлетную полосу – просто сравнительно ровный участок поля длиной метров триста. Я проверил тяги, уже из кабины проверил рули. Вроде норма. Нажал кнопку стартера, «Ротакс» завелся сразу и ровно заурчал. Я подождал пару минут для прогрева и двинул рычаг газа до упора. Мотор взвыл, и наше чудо техники рванулось вперед. Разгон был неплохим, где-то через пятьдесят метров я смог поднять хвост, а через сто – взлететь. На высоте около трех метров я пролетел треть полосы, легкими движениями ручки проверив управляемость по крену и тангажу, и прибрал газ, аккуратно сев в самом конце аэродрома. Развернулся и таким же манером прилетел обратно. Казаки кричали «Ура!», они, видимо, решили, что это и есть демонстрация всех возможностей аппарата. Гоша так не думал, он-то хорошо представлял себе, на что способно наше произведение. Я вылез из кабины и снова проверил тяги, крепления крыльев, мотора и шасси. В значительной мере это был спектакль для Гоши, сам-то я отличаюсь некоторым пофигизмом и умеренным разгильдяйством.

– Что-то не так? – с беспокойством спросил Гоша.

– Все так. Просто жизнь любого самолета, даже насквозь серийного, всегда начинается с подлетов – это те прыжки, которые я только что демонстрировал. И перед любым полетом обязательна проверка по специальному перечню, хоть бы ты был сто раз уверен в полной исправности всего. Если у тебя на мопеде лопнет трос, ты в худшем случае закукуешь посреди дороги. А при неисправности в самолете ты скорее всего так е...ся с высоты об скалы, что и отскребать будет нечего. Ладно, не переживай, сейчас будет настоящий полет.

Снова газ до упора, поднимаю хвост, взлетаю, но теперь продолжаю тянуть машину вверх. Чуть качнул ручкой из стороны в сторону – признаков срыва потока нет. Скороподъемность даже несколько лучше, чем я ожидал, учитывая почти полтора километра над уровнем моря. Быстрый взгляд на альтиметр – есть двести. Перехожу в горизонтальный полет и закладываю плавный поворот. К управляемости претензий нет. Смотрю вниз – там казаки подбрасывают шапки, и Гоша, кажется, что-то кричит, во всяком случае размахивает руками. Делаю восьмерку над поселком. Из домов уже кое-где вылезли жители и пялятся в небо. Ладно, можно садиться, пока там Гоша совсем не извелся от нетерпения.

В следующий полет самолет ушел с пассажиром. В передней кабине была предусмотрена установка дублирующего управления для ученика, но я его пока не ставил, пусть первый раз Гоша слетает балластом.

Поначалу я собирался ограничиться совсем коротким полетом, но Гоша был в полном восторге, так что я плюнул на свои благие намерения и вертелся над Аббас-Туманом минут сорок, набрав полкилометра высоты.

Вечером вместо традиционной беседы я гулял по саду с кошкой – его высочество пребывало в таком состоянии, что нормально говорить с ним оказалось невозможно. А потом нача-

лись учебные полеты. На одном из них присутствовал специально приехавший из Тифлиса писака – никакого другого названия он, учитывая результаты его трудов, не заслуживал. Ну ни разу не Гиляровский. Вот что оказалось написано в газете «Кавказ»:

Полет Его Императорского Высочества наследника цесаревича и Великого князя Георгия Александровича

В понедельник, 9 августа, наследник цесаревич после прогулки по дворцовому саду приказал подать бицикл с бензиновым двигателем. В 10 часов утра Его Императорское Высочество сел на сей моторный велосипед и совершил прогулку по шоссе. Наследник цесаревич ехал очень быстро (бицикл его высочества развивает скорость до 50 верст в час). За дворцом великих князей Георгия и Александра Михайловичей наследник уменьшил ход машины и остановился. Здесь, на поле длиной более 100 саженьей, уже находилась изобретенная его высочеством машина для полетов по воздуху, которую его высочество изволил назвать «аэроплан». Возле аэроплана находился инженер г. Найденов, который помогал его высочеству в постройке оной машины. Когда наследник цесаревич приблизился, г. Найденов отдал ему рапорт о готовности аэроплана к полету. Его высочество милостиво принял рапорт и сел в переднюю кабину аэроплана. После чего г. Найденов сел в заднюю кабину. По прошествии малого времени мотор аэроплана заработал, издавая довольно громкий звук, и аэроплан поехал по полю. В середине поля он поднял от земли хвост и сразу после этого начал подниматься в воздух. Аэроплан наследника цесаревича поднимался очень быстро сначала до 100, а потом до 200 саженьей. На такой высоте он казался с земли малой птицей. Аэроплан летал над Аббас-Туманом 30 минут, после чего его высочество изволил направить машину к земле. Мотор стих, и аэроплан опустился на поле, с которого он поднимался в воздух. Вышедшего из кабины аэроплана наследника цесаревича приветствовали восхищенные зрители, среди них был автор этих строк.

Данный поток сознания был сопровожден фотографией, весь центр которой занимало лицо Гоши с совершенно ему несвойственной идиотской улыбкой, а на заднем плане можно было рассмотреть кусок фюзеляжа, подкос крыла и мою руку в перчатке.

Гоша оказался довольно способным учеником, через неделю он уже нормально держался в воздухе, сносно поворачивал в горизонтальной плоскости и даже научился взлетать без грубых ошибок. Посадка ему пока не давалась, но видно было, что и этот этап он скоро освоит. Я пару раз сходил в Москву за бензином, маслом и сигаретами, а так безвылазно сидел в Абастумани. Чувствовал я себя отлично, как будто сбросил лет пять, а то и десять. Сначала я приписывал это влиянию горного воздуха, но потом стало как-то сомнительно. Если бы это место само по себе действительно обладало столь явственно выраженными лечебно-тонизирующими свойствами, то к двадцать первому веку только на доходах от его эксплуатации Грузия стала бы богатейшей страной мира. Гоша тоже с каждым днем чувствовал себя все лучше. И третий член нашей компании, кошка, буквально цвела – стала толстой и пушистой, как в молодости, и только отсутствие в поселке котов несколько омрачало ее безоблачное счастье. Налицо была тенденция – у всех троих, проходивших портал между мирами, наблюдалось улучшение здоровья. Я сделал пометку в памяти – проверить. На мышах, например.

Тем временем молва о Гошиных полетах расходилась все шире и шире. Пришло еще одно письмо от Николая, где император снова поздравлял Гошу с выздоровлением, просил подробностей о Горном Старце и о покорении воздушной стихии. А дальше шла несколько заинтересовавшая меня приписка о том, что Аликс тоже с большим энтузиазмом отнеслась как к исцелению цесаревича, так и к его успехам на техническом поприще.

– А что тебя в этом удивляет? – спросил Гоша. – Она и с приобретением мотоцикла мне помогла.

– Вы с ней настолько хорошо знакомы?

– Вроде мы один раз встречались, когда я был маленький, и два года назад она ненадолго приезжала сюда с Ники.

– И ты попросил императрицу помочь с мотоциклом? Почему не Николая, да мало ли еще кого?

– Я не просил. Когда я поручил управляющему приобрести мотоцикл, она написала своим родственникам в Германии, и ему помогли выбрать и купить новейший.

– Вон оно что, а то твой «Вернер» мне покоя не давал, его серийное производство должно было только следующей весной начаться, опытный, значит, образец... Интересно девки пляшут... И самолет ее величество вполне одобряет. Хм. Действительно, умная тетенька, этот ее ход надо будет запомнить и творчески развить.

– Ты это о чем?

– Да так, просто мысли вслух. Давай лучше про Старца уточним.

– Мне почему-то кажется, что ты подозреваешь Аликс в какой-то гадости, – с сомнением пробормотал Гоша. – Я, конечно, отношусь к тебе с огромным уважением, но твой цинизм, как у вас говорят, несколько напрягает.

– А ты меньше напрягайся, и все будет зашибись. Так что там нам напроорочил этот старый хрен?

Гоша вздохнул, порылся в бумагах на столе и достал листочек.

– Начало Англо-бурской войны, землетрясение в Тифлисе и смерть королевы Виктории. Точные даты будем сообщать?

– А как же, наш Старец – это тебе не Нострадамус какой-нибудь паршивый.

– Да, к вопросу о будущем – как ты думаешь, скоро мне можно будет покинуть Аббас-Туман?

– Через месяц где-то покажешься нашим врачам, и если все будет в норме... Думаю, лучше все-таки зимой, от питерской осени и здоровый слезь может.

– Ты считаешь, что мне надо ехать именно в Питер?

– Сначала – обязательно. А потом обосноваться где-нибудь малость в сторонке, это еще надо подумать где. И начинать потихоньку разворачиваться. Что ты там накопал в инете по биржевым спекуляциям?

Гоша с гордостью достал довольно толстую папку.

– Думаю, что даже при осторожной игре я смогу получить до миллиона в год.

– Ты все-таки не очень рискуй, в этой области я тебе помочь ничем не смогу, ты и сейчас уже знаешь здесь побольше меня.

– Вот именно. И вообще, при многих недостатках языка вашего мира там иногда встречаются очень глубокие афоризмы. Например, чему именно не надо учить отца. Кстати, я начал интересоваться банковским делом за шестьдесят лет до твоего рождения, имей в виду.

Ну и наконец, мы с Гошей выбрали время и провели детальное исследование свойств открывшейся нам по неизвестно чьему желанию межмировой дырки. Вкратце результаты получились такими:

– Когда мы в разных мирах, время там течет одинаково. Возможна телепатическая связь, но только если оба одновременно сосредоточены на этом. Стоит одному чуть отвлечься, связь пропадает.

– Из разных миров портал открывается опять же по обоюдному одновременному желанию и расположен между нами. Не важно, двигаемся мы или стоим.

– Из одного мира для открытия портала тоже нужны сосредоточенные усилия обоих, и открывается он только в то место, куда уже бывал ранее открыт из разных миров.

– Когда мы оба в одном мире, время в другом стоит или, по крайней мере движется неопределимо медленно.

– Открытие и поддержание портала требует сил, и это зависит от его размеров. Маленькую дырочку мы с Гошей держали полчаса, наверное, и дольше смогли бы. А удержать большой портал вроде того, через который я въехал на квадре, мы смогли только четыре минуты, и больше в этот день никаких открываний не получилось.

Следствием из этих свойств оказалась возможность телепортации в пределах одного мира. Для проверки мы с Гошей открыли портал из Абастумани в мою квартиру, я перешел в Гошин мир, затем оттуда сделали портал в гараж, и я вернулся к себе, в итоге преодолев полтора километра за пару секунд.

И, в заключение, то, о чем я не стал говорить Гоше, в конце концов мало ли когда и чего мне кажется. А казалось мне, что я и один смогу открыть портал из Гошиного мира в свой, но проверять это не стоит, потому что такой портал будет последним.

Глава 4

И – и раз-два, взяли! Ух... Я вытер пот со лба. Генератор и бочка дизтоплива были уже в Абастумани, а мотки провода, лампы и всякая фурнитура еще в моем гараже. Но, похоже, на сегодня уже никаких порталов не получится. Ничего, Гоша и у меня переночует, чай, не барин.

Тем временем на улице послышалось «р-р-р-р – фыр-фыр-фыр», затем скрип тормоза и легкий стук упавшего на асфальт заднего колеса. Гоша стоял у дверей гаража с отвисшей до пупа челюстью. Судя по звукам и Гошиной реакции, меня почтила присутствием племянница Машенька на своем «Дерби». Она, зараза, долго тренировалась делать стоппи (это когда при торможении мотоцикл встает на переднее колесо), за это время убив полтора комплекта пластика, который, между прочим, менять пришлось мне. Причем в момент зависания «Дерби» она с него грациозно спрыгивала. Поначалу, конечно, получалось, что скутер кувырком летел в одну сторону, Маша рыбкой – в другую, но наконец она освоила этот трюк и постоянно его применяла – для приведения в обалдение мужской половины человечества. Теперь достаточно было мельком взглянуть на Гошу, чтобы сделать вывод о полной успешности процесса.

– Добрый день, дядь Жора! Ты не очень занят? Помнишь, мы договаривались мне ТО сделать? О-о, а выглядишь ты как обалденно! Вроде же этап был в Курске, а по тебе скорее скажешь, что на Канарах.

– Привет, племянница. Познакомься, это Гоша. Ну, давай закатывай свой драндулет, посмотрю. Поди, уже ремень пора менять?

Я собрался позвать Гошу, чтобы повесить его технический кругозор зрелищем полуразобранного скутера «Дерби жипиван 250», но цесаревича в гараже не оказалось. Маши тоже. Однако, подумал я, откручивая болты крепления крышки вариатора.

– Дядя Жора! – в гараж изящно просочилась племянница. – У меня к тебе огромная просьба! Мы с Гошей хотим на Гору съездить, дай на пару часов свою «Хонду». Честное слово, ни одной царапинки на ней не будет!

Вообще-то Маша ездит очень неплохо – когда не выпендривается, конечно. Гора – это смотровая площадка в Лужниках, там часто собираются байкеры, в принципе, пусть Гоша на Москву посмотрит...

– Ладно, дам, только вот что. Гоша только-только после тяжелой болезни, даже еще не совсем оправился. То есть ехать как человек! Тебе-то что – если упадешь, так встанешь, отряхнешься и дальше поедешь, а ему может быть совсем плохо.

Отъехала Маша действительно вполне чинно. Но не учла, что у человека есть не только зрение, но и слух. Как только она свернула за гаражи, раздалось «щелк-щелк» – две скорости вниз, а затем быстро удаляющийся истошный вой раскручиваемого до предельных оборотов движка. Не потеряла бы она так Гошу, подумал я. Хотя наверняка ж предупредила, чтобы держался крепче.

Через два часа они, понятно, не приехали, но через три я опять услышал вой мотора своей «Хонды», писк тормозов, и из-за поворота степенно выкатилась эта парочка.

– Спасибо, дядь Жора, мы замечательно потусовались! И ездили совсем медленно, нас троллейбусы обгоняли, правда, Гоша?

Упомянутый промямлил нечто нечленораздельное, которое при большом желании можно было принять за полное согласие с предыдущим оратором.

Маша вкатил в гараж мой мотоцикл (Гоша увивался рядом, пытаясь помочь), села на свой «Дербик» и, послав Гоше воздушный поцелуй, умотала.

– Какая женщина! – вернулся к Гоше дар речи.

– Да уж, на свежего человека Маша производит совершенно убойное впечатление. Но ты не пугайся, это только когда ей вожжа под хвост попадает, а так большей частью вполне вменяемое существо. Как тебе, кстати, панорама нашей Москвы – понравилась?

– Нет, ну какая женщина!

Диагноз ясен, подумал я. И не ошибся. Весь вечер Гоша пытал меня на предмет подробностей об объекте своего восхищения. Но мало того, ближе к ночи позвонила Маша и, даже, похоже, несколько смущаясь, попросила рассказать – кто такой Гоша, откуда, женат ли он и вообще?

– Сами разбирайтесь, – буркнул я и сунул телефон Гоше (спать давно пора, между прочим!).

Они разобрались. Через пять минут Гоша вернул мне телефон, некоторое время мялся, но наконец выдал:

– Жора, я позвал Машу сюда. Я сказал, что по телефону ничего о себе говорить не могу (интересно, что Машка теперь думает?). Мне кажется, надо ей рассказать, кто я такой и откуда. Она обещала, что никому ничего не скажет.

В общем-то, я уже начал обдумывать подобный вариант. Маша достаточно умна, чтобы понять – болтать о таком действительно ни к чему. А еще один человек в нашей команде лишним не будет, пожалуй.

– Ладно, расскажем. Кстати, она тебе не говорила, что тоже умеет летать, и неплохо? Можно уже в Абастумани первую российскую авиаэскадрилью формировать, есть из кого.

Вид приехавшей Маши добил Гошу окончательно – сняв мотоцимбес, она оказалась в шортиках и маечке. Поэтому, кто он такой, объяснять пришлось мне. На Машу интересно было смотреть – она видела, что я не шучу, но поверить не могла. Так и маялась. Пришлось нам с Гошей показать свои способности в действии. Маленькая дырочка в Абастумани 1899 года поставила точку в Машиных сомнениях. Услышав, что завтра мы открываем из гаража большой портал, она заявила, что тут же помрет от разочарования, вот прямо не сходя с места, если завтра ее не пустят в тот мир!

– Ты там собираешься, как сейчас – в этих своих трусах щеголять или в мотоцимбесе? – поинтересовался я.

– Ой, действительно... Гоша, а что у вас там носят?

Вопрос: «Что носят?» – оказался не единственным, требующим разрешения, так что на следующий день мы в Абастумани не попали. Зато через день в Российскую империю по приглашению наследника и цесаревича приехала племянница уже неплохо известного там инженера и пилота Найденова, сама тоже в какой-то мере инженер (в незначительной), пилот (вот это без оговорок, здесь она если и не лучший пилот в мире, то уж второй наверняка) и дизайнер (хрен его знает, известно ли тут это слово?). Госпожа Мария Островская явилась на фирменном мотоцикле производства своего дяди (в прошлой жизни это был хондовский «Зумер»). Правда, этот скутер не очень-то походил на здешние мотоциклы, ну да ладно, он и в нашем мире был похож только на самого себя. На даме был камуфляжный костюм, зеркальные очки и черный шлем, сзади на скутер был приторочен здоровый баул со шмотками, а под седлом – сумка поменьше с какой-то дамской мелочью. По уже проторенной мной дороге Маша подъехала к Гошиному дворцу, где я по мере сил разыграл сцену «дядя встречает долгожданную племянницу». Впрочем, зрителей было немного, и я особо не надрывался. На этом легализацию мы сочли законченной, и Гоша взялся показать госте поселок, но я потребовал сначала открыть портал ко мне в гараж, что и было сделано.

Ладно, пару дней им на прогулки под луной или под чем там получится, а мне есть чем заняться. Если кто помнит, у нас в планах было создание авиапромышленности, и на начальном этапе главным затыком являлись моторы. С хорошим мотором полетит даже хреноватый самолет, а без оного... Продолжать таскать из Москвы «Ротаксы» не хотелось. Гоша, кстати,

сразу ухватил суть: беда не в том, что в России сейчас нет ни самолетов, ни моторов – нет людей, знающих, как это сделать, и нет производств, на которых эти люди смогут сначала приобрести знания, а потом их с толком использовать. Так что передо мной стояла задача родить документ – какое оборудование и инструменты вообще нужны, что покупать в России, что заказывать за границей и что может понадобиться такого, чего в Гошином мире вообще пока не существует. В общих чертах понятно, где потом покупать каждый напильник или станок, это в рабочем порядке разберемся. Ну и нужен был образец движка, достаточно простого, чтобы его можно было производить в России начала прошлого века. Мотор лучше двухтактный, при небольших мощностях он проще и легче аналогичного по параметрам четырехтактного, а повышенный расход горючего и небольшой ресурс на начальном этапе самолетостроения сильно не помешают. Так уж получилось, я знал, где этот образец взять. Мой старинный приятель Боря Фишман, с которым мы в далекой молодости строили первый самолет, собрался наконец, не дожидаясь выхода на пенсию, уехать к своим в Канаду. У него там еще с советских времен немало родственников осело проездом на историческую родину, а пару лет назад к ним присоединилась и жена с детьми. Боря давно туда звали, но он держался стойко, мотаясь через океан только в отпуск. Но нет таких крепостей, которые... Короче, грянул кризис, и перед Борей встала дилемма: или научиться питаться святым духом, или собирать манатки и ехать воссоединять семью. Вот он и паковал чемоданы. А в свое время Боря построил очень неплохой движок для самодельного самолета, оппозит на базе двух цилиндров от «Иж-Планеты». Последние двадцать лет он у него пылился без дела, и вот уж его тащить в Канаду никакого смысла не было. Так что отдал Боря этот мотор мне без возражений и даже денег не взял, сказав, что это подарок, а побыть евреем он еще успеет.

Еще я сделал несколько набросков самолета, которому предстояло стать первенцем русской авиапромышленности. Любой знакомый с историей авиации человек без проблем узнал бы в нем контуры «Фарман 4». Потому что не следует сразу показывать всему миру, как правильно строить аэропланы, пусть сначала посмотрят, как это делается через задницу, нагородят себе копий этого убоища... Не будем чрезмерно облегчать жизнь потенциальному противнику, да и всем остальным тоже. Гошин высокоплан – он пока останется уникальным и не для широкой публики.

Далее я пошарил в Интернете на предмет решения кадрового вопроса – были ли в России 1899 года яркие двигателисты? Оказалось, очень даже были, один Густав Тринклер чего стоит. Еще будучи студентом, построил компрессионный двигатель – гораздо более близкий к современным дизелям, чем тогдашние творения Рудольфа Дизеля. Потом долго и плодотворно занимался двигателями, в том числе и двухтактными. Много ли вы сейчас найдете студентов, дипломный проект которых тянет на несколько полноценных патентов, за обладание которыми сразу начинается свара? Бывает, конечно, но редко. Так что пусть Гоша ему срочно письмо пишет, Густав сейчас как раз Петербургский технологический заканчивает.

И наконец, я навестил народ в Абастумани. Там как раз обсуждалось место будущей Гошиной резиденции, типа что лучше – Царское Село, Гатчина или вообще Царицыно? Я с ходу вступил в дискуссию, спросив, почему не рассматриваются Париж, Ницца и Монте-Карло? Насчет попить-пожрать и вообще развлечься там очень даже вполне. А вот вдруг мы захотим моторный завод построить, вроде ж собирались? Да и аэродром...

– Нам нужно, – продолжил я, – несколько обособленное место, на железной дороге, вблизи приличного озера или реки, недалеко от крупных промышленных центров. В Питер и на самолете слетать недолго, а в случае экстренной надобности можно и мгновенно, через порталы.

Маша слегка приуныла, похоже, в мыслях она уже блистала в высшем свете Питера и Москвы. Но, надо отдать ей должное, ненадолго, Гоша даже заметить не успел. И включилась в поиск. После недолгих обсуждений мы наметили Серпухов, точнее, рядом с ним, на правом

берегу Нары, где-то в районе женского монастыря. Гоша сделал пометку – завтра же отправить туда человека, осмотреться на месте.

В конце обсуждения Маша задумалась.

– Ладно, понастроим мы самолетов и мотоциклов, ну и еще не знаю чего. А стратегическая цель какая?

– Ясен пень, спасти Россию, – фыркнул я. – Чтобы она стала ого-го, а не пес знает чем.

– Вот именно, – Гоша с благодарностью посмотрел на меня, видно, решил, что я это абсолютно серьезно. – Я просто не имею права изображать стороннего наблюдателя, тогда как моя страна катится в пропасть. Не знаю пока как, но я обязан вмешаться.

– Вот-вот, именно вмешаться. А чтобы иметь возможность это сделать... – Я полез было за сигаретами, но вспомнил, что в Гошиной резиденции не курят. – Нужна достаточно высокая должность. Нужен немалый финансовый вес. Нужен авторитет в разных слоях общества. Вот тут самолеты и помогут. Ну сам подумай, приехал ты в Питер. Все значимые места уже заняты. А тут прямо говоришь Николаю – мол, у России уже есть Воздушный флот. Нужен его главнокомандующий.

– Точно, – с лёта ухватил идею Гоша, – пожалуй, серьезного противодействия это не встретит. Никто не увидит во мне конкурента, скорее даже наоборот, и будут советовать Ники побыстрее именно так и сделать, пока я не начал еще на что-нибудь претендовать.

– Тогда, чтобы не терять время, – предложил я, – ты про это в своем ответе Николаю и напиши. Мол, да, имеют место быть успехи в покорении пятого океана, в силу чего готов послужить Вашему Величеству на посту Главкома ВВС.

Следующий день мы посвятили занятию фотоделом – для того чтобы в письме Николаю были не только слова, но и иллюстративный материал. Наснимали кучу кадров с самолетом на земле и в воздухе, Гошей в кабине и рядом с ней. В паре снимков на втором плане была Маша. Меня пока решили не засвечивать. Потом Маша поработала над этим в фотошопе, чтобы убрать всякую возможность по снимкам понять конструкцию аэроплана. Получившееся скинули на флешку, в Москве мне предстояло сделать бумажные черно-белые фото. Ну и загнать очередную порцию Гошиного золота, ибо предстояли расходы. А также навестить свою сестру, то есть Машину мать, и сказать, что ее дочь едет на съемки сериала в Бразилию в качестве полуглавной героини. Надолго, сериал предполагается длиной в несколько лет.

– Вот увидишь, даже вопросов не будет, – сказала племянница. – У нас с мамой как-то все не очень пошло, еще когда она за этого своего Генриха вышла, а теперь, когда у меня братик появился, им вовсе не до меня.

Глава 5

Зима. Крестьянин, торжествуя... Да, в Серпухове января 1900 года имелись в наличии и зима, и крестьяне. В отличие от нашевременной Москвы, где со снегом опять напряженка, а вместо крестьян можно встретить разве что таджика-декханина с лопатой. Так что я ходил через портал в том числе и покататься на лыжах. А вообще мы начали подготовительные работы к возведению Георгиевска (пока это было неофициальное название, но вроде никто не протестовал) – купили несколько домов и большой сарай на окраине Серпухова, участок земли под застройку, вели переговоры с архитекторами и подрядчиками. Завербованный Гошей Густав Тринклер мотался между Тулой и Москвой, закупая оборудование, материалы и размещая заказы на комплектующие. Борин движок он разобрал на элементы и теперь адаптировал конструкцию под имеющиеся производственные возможности. Кстати, с этим движком и мне пришлось повозиться, чтобы убрать явные анахронизмы. На поршнях с внутренней стороны нашлись расплывчатые буквы «иж» – убрал. Надпись «АТЭ» на катушках затер. Карбюраторы пришлось выкинуть, больно уж они не походили на изделия конца девятнадцатого века. Вместо них я вставил эмульсионные трубочки с ввинчивающейся иглой, как на авиамодельных двигателях, и общий бачок с клапаном, наподобие унитаза, в качестве поплавковой камеры. Самое интересное, что после этих вивисекций движок еще и работал, только похуже заводился и не держал малых оборотов. Густав, увидев мотор, почти сразу сказал, что все в нем замечательно, вот только приборы смесеобразования проектировал какой-то недоучка, и нарисовал свой вариант вместо моих поспешно прилипанных пульверизаторов. Еще он прикидывал, можно ли систему впуска оснастить лепестковым клапаном. В общем, парень с лихвой оправдал все ожидания, и теперь у еще несуществующего Георгиевского моторного завода был вполне реальный главный инженер.

Гоша после трехнедельного пребывания в Питере тоже приехал в Серпухов, где его появление вызвало самый настоящий ажиотаж. Он в своей обычной манере тут же, не отходя от кассы, неслабо пожертвовал двум местным монастырям и начал создавать местную газету (как он мне при этом сказал – тренироваться на кошках).

А до этого он пробил-таки создание нового вида войск – Императорского Военно-воздушного флота. Кстати, как он сказал, ему сильно помогла моя докладная записка, где я описывал роль авиации в будущих войнах, делая упор на массированное применение. Как же, помню, я два дня мучился, вспоминая и перенося на бумагу самые бредовые мысли военных теоретиков начала века. Вот уж действительно, никакой противник не выдержит массированного применения задуманных мной этажерок, ибо помрет от хохота. Но сошло. Думаю, окружение Николая было довольно, что Гоша сам нашел себе нишу, никого при этом не задевая. Аликс, как я и предполагал, относительно авиации и Гошиного в ней места была только «за».

Да, и еще в качестве приложения к той своей авиабредятине я написал систему званий ИВВФ, вызвавшую резкую критику со стороны Гоши. Дело было так. Я почитал про чины в тогдашней Российской армии и несколько офонарел – от всех этих секунд-майоров, эстандарт-юнкеров и прочих вахмистров рябило в глазах. Причем это еще и постоянно переписывалось. В общем, я предложил простую, логичную и строгую систему. Военнослужащие делятся на солдат, унтер-офицеров, обер-офицеров, штаб-офицеров и генералов. В каждой группе по три звания, причем с одинаковым порядком образования, а именно: младший кто-то, кто-то, старший кто-то. Например, если штаб-офицеров мы назовем полковниками, то получится младший полковник, полковник, старший полковник. Вот тут Гоша взвился. Он кричал, что это против традиций Российской армии, не согласуется с табелем о рангах и просто неудобно в общении вне строя. Здесь я попросил подробностей, он разъяснил. Оказывается, в этом случае была традиция опускать приставку перед званием, например, штабс-капитана именовали капи-

таном, то есть как бы повышали в звании. А если старшего полковника обозвать просто полковником, получится понижение! Ладно, согласился я, вот только в этом месте пойдем навстречу традициям. Пусть старший кто-то имеет другое название. Старший сержант будет старшиной, старший лейтенант – капитаном, старший полковник – бригадиром, а старший генерал пусть называется генералом от авиации. И все, продолжил я, про остальное, чему якобы не соответствует эта система, я и слышать не хочу. Развели, понимаешь, бардак в чинах и званиях. Авиацию кто будет создавать? Если я, то звания будут такие, которые мне легко запомнить – раз, и они образуют красивую и симметричную систему – два. А если тут появятся всякие оберкондукторы, то стройте все на фиг без меня.

И вот теперь по возвращении из Питера Гоша с тщательно скрываемым злорадством сообщил, что моя система воинских званий вызвала резкие возражения в инстанциях. Ничего, заметил я ему, время еще есть, первые самолеты появятся только летом, так что у него полгода – на продать кого надо. И вообще, преодоление трудностей закаляет характер.

Был, естественно, в Питере поднят и вопрос о Горном Старце. Гоша сказал Николаю, что оный дед обещал его навещать и что, как только это произойдет, старику будет немедленно доложено о желании царственной четы с ним проконсультироваться. То, что Старец на Кавказе, Гоша в Серпухове, а Николай в Питере – не мешает, при должном уровне святости это решаемые проблемы. Царская чета до конца не поверила, но впечатлилась и теперь пребывала в ожидании.

Собственно, вопрос явления Старца народу упирался только в бороду. Имеющаяся у меня, по общему мнению, достаточной длиной не обладала. Гоша, будучи обуреваем нетерпением, нарыл кучу реклам о рращении волос, но я твердо сказал, что ни пить, ни мазать на себя эту дрянь не буду. Предложения племянницы о накладной бороде тоже были отвергнуты, во избежание аналогий с Санта-Клаусом. И вообще, сказал я Маше, чем над дядей издеваться, сделай лучше программку для ноута, чтобы я писал на нормальном русском языке, а оттуда лез текст с ятями и ижицами. Стиль править необязательно.

Но племяннице сейчас было не до этого, они с Гошей готовились к биржевым играм, Маша для этого пыталась адаптировать какие-то программы. Вскорости им предстояла дорога в Москву девяностого года, где предполагалась штаб-квартира будущей финансовой компании, а мне тоже в Москву, только на сто девять лет позже.

Основа функционирования любой сложной структуры – бесперебойная связь. Следовало серьезно подготовиться к изобретению лампы-триода. Казалось бы, чего тут такого, вольфрамовая проволока, продетая сквозь спиральку-сетку, вместе они засунуты в трубочку-анод, все это внутри стеклянной колбы с откачанным воздухом. Мне как раз и предстояло своими руками проверить, насколько сложно в производстве такое изделие.

В свое время я работал в Институте кристаллографии, так что, порывшись в старых записных книжках, нашел телефон одного все еще трудившегося там знакомого и через день уже брал уроки стеклодувного мастерства. Там же, кстати, удалось прикупить вакуумный насос со списанного дифрактометра. Первую лампу я ваял три дня. Вторая пошла легче, с третьей вообще управился за день. Со схемой заморочек не было, «трехточку» я помнил еще с армейской службы, где мы частенько развлекались радиохулиганством. Так что по прибытии в Серпухов следовало начинать организовывать радиомастерскую.

Конечно, можно было притащить туда мешок транзисторов и не маяться, но... Как-то незаметно для себя я все больше проникался симпатией к тому миру, и не хотелось подкладывать ему свинью. Притащенные транзисторы кончатся. Приволоку еще – снова кончатся. Потом кончусь я, и Россия останется у разбитого корыта – с радиоаппаратурой, которую невозможно отремонтировать, зато без соответствующей промышленности и без кадров. Другое дело эксклюзивные изделия, предназначенные для нашей троицы – тут современные технологии вполне допустимы, при соблюдении мер маскировки, понятно.

Следующая встреча произошла в феврале 1900 года. В Москве 2009-го был январь, и не из-за разницы в календарях, она, кстати, в другую сторону, просто мы с Гошей гораздо чаще находились оба там, чем оба тут. Открылся портал из гаража в серпуховский дом, и я шагнул в прошлое. Сразу же услышал несколько неожиданные звуки – где-то рядом явно стреляли.

– Это что у вас тут за революция? – удивился я.

(Бах! Бах! Бах-бах-бах!)

– Да вот, понимаешь, сделал я Маше подарок...

– «Наган» подарил?

– Нет, девяносто шестой «маузер». И вот она теперь третий день стреляет...

Ну и дела. В нашем мире племянница особым интересом к оружию вроде не страдала. В детстве стрельнула раз из охотничьего ружья, и синяк на плече надолго отбил охоту совершенствоваться в этом направлении. А тут, значит...

(Бах! Бах! Бах!)

Блин, да когда же у нее патроны кончатся, поговорить не дает.

(Бах! Бах!)

– Все, что ли?

– Она быстро перезаряжает, – вздохнул Гоша.

Мы вышли во двор. На деревянный щит, метрах в пятнадцати, была пришпилена бумажная мишень. Дальше были сложены мешки, похоже, с песком. Судя по разбросу дырок на мишени, до уверенного попадания комару в глаз было еще далеко.

– О, привет, дядь Жора! – Маша отложила приготовленную обойму и шагнула ко мне. – Вот, смотри, что мне Гоша подарил!

– Да, знатная железяка, и вся в каких-то завитушках. Здорово!

– Что б ты понимал! – возмутилась племянница. – Это не завитушки, а инкрустация, и вообще... мы же здесь собрались прогресс двигать.

– Ну понятно, без «маузера» это никак невозможно. Ладно, делай перерыв, можешь меня чаем угостить, он тут лучше, чем у нас.

– Да, дядь Жора, а тебе здесь пистолет не хочется?

Я задумался. Действительно, тут же это не криминал, а скорее наоборот, так что может и пригодиться. Жаль, «парабеллум» еще не выпускается, позор господину Люгеру. Придется пушку, как у Маши, взять, заодно и унификация боеприпасов будет.

После чая Маша пошла продолжать пальбу, а мы с Гошей поделились достижениями. Я показал сооруженные своими руками одноламповые приемник и передатчик.

– Вот тут и проверим на дальность связи, там не та обстановка. Думаю, днем километров на пятьдесят с хорошими антеннами связь будет, а ночью так и раза в три подальше. Телеграфом. Для телефонной связи нужно еще микрофон из подручных материалов изобрести, да и лампы получше, чтоб не так шумели. Сделаем, но попозже.

– Питание?

– Шесть вольт накал и двести пятьдесят анод. Батареи я захватил, но вообще-то надо здесь искать.

– Стеклодувное оборудование в нашем мире есть, а подходящий насос?

– Да тоже вроде есть, но я там для нашего заводика прикупил по случаю один раритет аж шестьдесят второго года. Японский, между прочим. Год я спилил, иероглифы оставил. Тяжеленный, гад, но вдвоем втащим, если поднатужимся.

– У меня тоже неплохо, потренировался в финансовых операциях, даже прибыль получил. На школу и, как ты это назвал, ПТУ? Вот на них и хватит. И еще насчет казаков...

Я, кажется, уже упоминал, что один из титулов Гоши звучит как «Августейший атаман всех Казачьих войск». Естественно, пока Гоша сидел в Абастумани, это была чистая фикция. Но теперь само собой напрашивалось наполнить ее реальным содержанием.

– Фамилия Богаевский тебе что-нибудь говорит?

Я задумался. Вроде был такой герой Гражданской войны, у белых, понятно...

– Вот про него вкратце, – Гоша протянул мне бумажку.

Так, Богаевский Африкан Петрович... Я невольно улыбнулся.

– Что там написано веселого? – изумился Гоша.

– Да, понимаешь, в одной из моих самых любимых книг главного героя именно так зовут.

– Дашь почитать?

– Обязательно. Но там совсем не этот Африкан. Ладно, что здесь дальше...

Двадцать восемь лет... Из старинной казачьей семьи, окончил Донской кадетский корпус... Потом Николаевское кавалерийское училище с занесением на мраморную доску – то есть с отличием, надо полагать... Сейчас оканчивает Академию Генштаба. Весьма перспективный персонаж, имеется в виду для реализации Гошиных планов.

– Думаешь его в командиры?

Гоша решил, что собственную силовую структуру лучше всего создавать из казаков, этаким «Особый казачий отряд».

– Сначала этот отряд еще сформировать надо. А так, конечно, потом в командиры.

– А как там с казачьим отделом – в Генштабе, кажется?

– Казачий отдел Главного штаба. Начальник – генерал-лейтенант Щербов-Нефедович.

– Э-э-э... Так у вас что, кроме Генштаба есть еще и какой-то главный штаб? Не до фига ли?

– Нет Генштаба, есть только Главный штаб Его Императорского Величества.

– Вот те раз – Генштаба нет, а его академия есть. Весело у вас тут, я смотрю.

Гоша пожал плечами – мол, так сложилось, это не его инициатива. И продолжил:

– Я написал письмо, что хочу лично познакомиться с работой отдела. Съезжу в Питер и гляну, как там этот Щербов-Нефедович, можно с ним работать или нет.

– А если нет? – с интересом спросил я.

– Намекну брату, что такой заслуженный генерал достоин большего, например быть членом Совета военного министра.

Хлопнула дверь, и в комнату вошла румяная с мороза Маша.

– Ствол перегрелся, – с разочарованием сказала она. – Мороз вроде на улице, а он все равно... Да, кстати, ты просил программку для автоперевода на здешнюю орфографию? Я нашла готовую, давай ноут, установлю.

Смысл этого моего пожелания был вот в чем. Ладно, пусть странный вид моих рукописных текстов можно было списать на новозеландскую малограмотность, но переписывать вручную скачанные документы мне было лениво. А печатный текст с соответствующими ошибками мог уже натолкнуть народ на ненужные мысли. Естественно, все бумаги, для которых есть вероятность попасть в архивы, переписывались или перепечатывались секретарем, продукцию принтера все равно не замаскируешь, когда-нибудь обратят внимание. Но внутренние документы... Да и авторитет инженера Найденова от грамматических ошибок пострадает. В найденной же Машей программе было несколько шрифтов, в том числе и имитация каллиграфического рукописного. Я посмотрел «свой почерк» – красота! Вот пусть мне теперь все и завидуют.

И наконец, сквозь специальную дырку в двери к нам явилась еще одна старая знакомая – кошка. Поглядев на меня, она важно мяукнула, разок из вежливости потерлась о мою ногу и направилась в угол, где обнаружился явно для нее сделанный маленький диванчик.

Глава 6

– Та-ак, вроде лучше... – с сомнением протянул Гоша, глядя на меня, тшившегося стоять в благословляющей позе, да еще и со значительным выражением лица. – Но все равно как-то не очень. Тренироваться надо.

Я и сам видел, что получается хреновато. А ведь это я пока репетировал только позы, не переходя к тексту. В общем, шел процесс дрессировки меня на Горного Старца. Подтолкнуло к этому Гошу прочтение книги Соловьева про Ходжу Насреддина.

– Помнишь, как там стражника мулой переодели? – спросил он. – «Но уста его, по многолетней привычке, для самого стражника неожиданно, вдруг изрыгнули сквернословие...» Вот именно это с тобой и будет, как только ты явишься перед Ники. Так что давай еще раз, да не пыжься ты, а стой естественно и величаво.

– Естественно – это вот так! – огрызнулся я, суя руки в карманы.

– Между прочим, в этом что-то есть. Только вот подбородок чуть повыше и глаза щурить не надо.

– Да не вижу я ни фи́га без очков!

– Линзы надо контактные, – подала голос Маша. – Знаешь, бывают такие, слегка голубоватые, в них взгляд становится прямо пронзительным. Неземным. О, придумала! Еще лимб надо!

– Лимб-то мне зачем, я же не прибор. Или ты нимб имеешь в виду? Так это у ангелов. Разве у живых людей нимбы бывают?

– Тогда просто сияние сделаем от фигуры, едва заметное... фиолетовое, пожалуй, в самый раз, в тон к джинсам. И голос пустим с реверберацией.

– Ну, блин, Бондарчуки собрались, – буркнул я. – Ладно, вот так, что ли?

– Да, уже совсем почти как надо. Видишь, получается, а ты не верил, про нанять актера что-то выдумывал. Если и дальше аналогичными темпами пойдет, через неделю такой Горный Старец будет – лучше настоящего! Ладно, Жора, еще заход, и хватит, мне сегодня еще корреспонденцию надо разобрать, накопилась уже.

После репетиции было совместное чаепитие, а потом Гоша пошел разбираться в бумагах, а мы с Машей – в чертежах. Пора было начинать производство первенцев грозного воздушного флота.

– Дядь Жора, я понимаю, что нормальный самолет выставлять на всеобщее обозрение нельзя. Но почему он именно такой? Сложнее же Гошиного парасоля вдвое!

– Давай я немножко издаleка зайду. Каким должен быть идеальный результат? Чего ждут сейчас от самолета? Чтобы он взлетел повыше и поднял побольше, вот и все. Про маневренность никто ничего не знает. Про скорости самолетов тоже. И чем более тупиковая конструкция получится в рамках этих требований, тем лучше. Вот от этого и танцуем. Движок у нас слабенький, пока у Густава получается только 60 килограммов тяги, это не больше 30 сил. А поднять надо двоих. Значит, большое удлинение крыла – раз, и работающее горизонтальное оперение – два. Так как самолет, кроме всего, и учебный, оно может быть только спереди – если сзади, слишком сложный в пилотировании девайс получается. То есть схема «утка». Дальше. Крыло. На малых скоростях лучше всего работает тонкий выпукло-вогнутый профиль. Что с ростом скорости у него непропорционально растет сопротивление, никто не в курсе. Значит, профиль выбрали. Про большое удлинение я уже говорил. Длинное тонкое крыло из нынешних материалов – это только бипланная коробка.

– А почему у него поперечного «V» нет? Перевернется же?

– Потому что не фиг народ на правильные мысли наводить. Да и не очень технологично это при такой конструкции получится. А чтоб не переворачивался, мы килей сделаем два и расположим их под углом.

– Ну и урод, однако...

– А то! Ты только вникни, какой замечательный набор получился... Схема «утка» – тупик. Тонкий выпукло-вогнутый профиль – тупик. Биплан с большим удлинением крыла – тупик. Да и двухтактный движок тоже тупик, по сути. Но все будут думать, что так и надо, потому что при заданной мощности у этой этажерки действительно близкая к максимально возможной грузоподъемность. Вот и пусть копируют. А вы с Гошей с патентами не затягивайте, это тоже неслабые деньги. Пометь себе: патент на элероны, на управление с ручкой и педалями, на него же со штурвалом и на двухтактный синхронный оппозит. Вроде ничего не забыл?

– А обшивка крыла? Она же у нас с обеих сторон.

– Правильно, и на двухстороннюю обшивку тоже.

Следующие два с небольшим месяца пролетели в делах и заботах, причем я настолько много торчал в Гошином мире, что в моем за это время еще не кончился январь. А тут с наступлением весны развернулось строительство. Строили сразу авиационный завод (по сути, просто огромный сарай и пару небольших домиков-цехов) и моторный завод. В нем же будем производить радиоаппаратуру, для этого много места не надо. На вершине холма, в самой высокой точке Георгиевска, возводили Гошину резиденцию. Чуть ниже – общаги для рабочих (пока) и дома для инженеров. На Наре планировалась небольшая гидроэлектростанция. Конструкцию движка Густав наконец-то отработал, и таки он у него выдавал сорок сил, как и прототип. Правда, этот прототип весил двадцать пять килограммов, а творение Густава – сорок, но для технологий начала двадцатого века это, я считаю, отличный результат. Был готов и самолет. Как раз сейчас его выкатывали из сарая для первых полетов. На плоскостях и киях красовались черные звезды. Еще было название Н-2 и серийный номер 002 – первым номером мы посчитали парасоль, в данный момент в разобранном виде лежащий в подвале абастуманского дворца.

Я влез на пилотское место (кабина как таковая отсутствовала, имелся только небольшой обтекатель для ног) и велел запускать движок (где ты, «Ротакс» с электростартером?). Специально обученный казак, хекнув, провернул винт. Потом еще раз. Потом еще. Через пару минут таких упражнений движок чихнул, выплюнул клуб сизого дыма, прокашлялся и затарахтел. Прогрев мотор, я дал газ. Пробежав всего метров семьдесят, сооружение вдруг взлетело, без малейших на то специальных действий с моей стороны, и бодренько так начало набирать высоту. Я дал ручку от себя. Набор высоты прекратился, скорость увеличилась. Еще чуть от себя с уменьшением газа – и я еле успел среагировать. Аппарат вдруг резко клюнул носом и мгновенно просел метров на десять, и только хорошая реакция спасла меня от встречи с землей. Не-е, так мы летать не будем. Я прибрал газ, этажерка села. Развернувшись, я, не взлетая, вернулся к месту старта и заглушил мотор.

– Пока на этом летать нельзя, – объяснил я столпившимся зрителям.

– Как? – удивился Густав. – Вы же только что летали!

– То, что я делал, называется не летать, а колбаситься. Тащите этот механизм обратно в цех, дорабатывать будем.

Причины такого поведения самолета мне в общем-то были ясны, дело в принципиальной продольной неустойчивости схемы «утка». Я хорошо запомнил положение ручки, при котором нос рвануло вниз. А теперь приделал к рулю высоты ограничитель, чтобы он просто не мог уменьшать свой угол атаки ниже только что практически установленного. Кроме того, прямую качалку я заменил косой, так что в конце движения ручки вперед передаточное отношение к рулю высоты понижалось. Еще за время своего недолгого полета я заметил, что лететь прямо этот аппарат не желал категорически, так и норовил куда-нибудь свернуть. Явно не помешало

бы увеличить курсовую устойчивость – но как? Увеличивать кили не хотелось, они и так здоровые. Удлинять хвост – это нарушать центровку, тоже не фонтан. Подумав, я просто установил кили с небольшим, порядка градуса, схождением по курсу. Все это рукоблудие заняло остаток дня.

А остаток вечера ушел на не очень типичное для меня занятие – самоанализ. Ведь ситуация в полете была критической, спохватись я на треть секунды позже, лежал бы сейчас с переломанными костями, а они в моем возрасте очень плохо срастаются. Получается, что я уже настолько встроился в этот мир, что готов рисковать жизнью ради достижения тутошних целей? Причем вроде даже с меньшими сомнениями, чем дома... Похоже, что мой дом теперь тут.

Следующим утром красу и гордость Российского воздушного флота опять выкатили из сарая. За время доработок она, кроме номера, обзавелась еще и именем – «Святогор».

Снова прогреваю движок и взлетаю. Теперь я уже готов к тому, что для взлета мне вообще ничего не надо делать. Набираю метров пятнадцать и осторожно пробую двинуть ручку вперед. Да, сейчас явно лучше, рывка вниз не происходит, самолет просто немного опускает нос и начинает снижаться, правда, рыская при каждом порыве ветра. Сажусь, делаю еще один подлет. Вроде ничего. Теперь – лететь всерьез.

В общем, после переделки поведение этажерки можно было считать приемлемым. Появилось какое-то подобие курсовой устойчивости. Исчезло свойство резко нырять вниз при неосторожном движении ручки. Но это был явно самолет только для горизонтальных полетов, любой вертикальный маневр он делал, почти не изменяя своего угла относительно горизонта. То есть познакомить человека с небом и с общими принципами управления – годится. Обучить пилота для полетов на любом самолете, кроме этого, – нет.

Я покачал крыльями собравшимся на аэродроме зрителям и полетел в сторону Серпухова, в районе вокзала снизился и сделал несколько кругов метрах в пятидесяти над крышами. На втором круге из домов начал выскакивать народ. На четвертом его уже можно было обозвать словом «толпа». Нарезав над ней еще пару кругов, я дал газу, поднялся и полетел назад в Георгиевск. Летные данные воздушного лайнера меня просто умиляли. Максимальная скорость – семьдесят. Крейсерская – шестьдесят. Взлетная и посадочная – сорок пять. Фантастика!

После меня слетала Маша. Примерно через десять минут ей надоело унылое ползание по воздуху, и она села.

– Ну, дядь Жора, ты и сотворил! Я... эээ... (она оглянулась на Гошу) офигеваю. Даже после того парасоля это все равно что с мотоцикла на мотоблок пересесть.

Тем временем обстановка на аэродроме все более отходила от нормальной. Густав уже примерялся в сорокасантиметровую щель между движком и пилотской спинкой, говоря, что он худой, легкий и имеет право на третий в России полет как конструктор двигателя. Побросавшие работу строители толпились у аэродрома, что-то орали и бросали вверх шапки. К тому же от Серпухова к Георгиевску тоже наметилось движение, сдерживаемое только речкой Нарой.

– Так, бардак прекращаем! – подал голос я. – Ваше высочество, всеподданнейше намереваю – пусть казаки примут дополнительные меры для недопущения на аэродром посторонних. Густав, слезьте с центроплана, как только будет готов двухместный самолет, тогда и вы полетите. Маша, куда ты послала этого господина, не могла просто в задницу? Вежливей надо, это же корреспондент местной газеты!

Вот так в Гошином мире официально родилась русская авиация.

Вообще-то заложено было сразу три самолета, и строились они параллельно, но узким местом оказались моторы. Воодушевленный Густав, недосыпая ночами, за четверо суток довел до ума второй. На третий самолет поставили мой прототип.

Гоша написал письма Жуковскому и Менделееву, приглашая их посмотреть на первые полеты российских аэропланов, но в случае с Жуковским опоздал. Тот явился сам, и не один, а в компании Гиляровского – да-да, того самого. Как выяснилось, известие о серпуховских полетах достигло Москвы вечером того же дня. Гости же приехали как раз к окончанию испытательных полетов «Святогора» номер 003 – двухместного, но без дублирующего управления для ученика. Так сказать, пассажирского лайнера. В отличие от учебного, у этого самолета место пассажира было за пилотом, вплоты к двигателю.

Гостей встретил Гоша.

– Николай Егорович, Владимир Алексеевич, я очень рад вас видеть. Чайку с дороги не хотите? А потом пройдем на аэродром, так мы называем место для взлета и посадки самолетов.

Гиляровский остался невозмутим, Жуковский не смог сдержать радостного удивления.

– Да-да, конечно, ваше высочество, как вам угодно, вы же здесь хозяин. Э-э-э... Прошу извинить, вы что, читали мои труды?

– Только названия, – улыбнулся Гоша, – но надеюсь их еще прочитать. Посвященные аэродинамике, теории устойчивости самолетов, расчетам воздушного винта. В этом есть очень большая надобность, уважаемый профессор.

На аэродроме Гиляровский сразу спросил, возможно ли ему поучаствовать в полете.

– Разумеется, – сказал я. – Прямо сейчас готовы? Тогда поезжайте вот сюда, поместитесь?

С некоторым трудом Владимир Алексеевич поместился.

– Значит, так. Видите ремень? Пристегнитесь. Держаться за эту рейку. Если захотите что-нибудь мне сказать, кричите вот в эту трубу. Причем сначала просто что-нибудь для привлечения моего внимания, а потом уже текст. Чтобы услышать мой ответ, прислоняйтесь к раструбу ухом. В полете будет шумно, сразу предупреждаю. Да, еще вот вам очки, наденьте.

Я проверил самолет и занял свое место.

– Заводи мотор!

Разбежался самолет долго и высоту набирал с большим трудом, все-таки Гиляровский был мужиком весьма весомым, примерно как два Тринклера. Полкилометра высоты мы набирали минут пятнадцать, долетев до того места, где в нашем мире был город Чехов, а тут – еле заметная с высоты деревенька. Развернулись и со снижением полетели обратно, а то мотор уже сожрал полбака. Время от времени я оглядывался назад, как там пассажир, не плохо ли ему. Не каждый организм хорошо себя чувствует, сидя на двух досках на высоте Останкинской телебашни. Но Гиляровский держался уверенно, словно летал далеко не первый раз, и иногда интересовался высотой и скоростью полета.

На пути с аэродрома он расспрашивал меня о том, как я представляю себе применение летающих машин.

– Перевозка срочных грузов и пассажиров туда, где нет железных дорог, – начал перечислять я. – В военном деле – разведка, связь, корректировка артогня. Ну и скинуть можно что-нибудь на противника, бочку с порохом, например.

– Что означают черные звезды на крыльях и... как называются эти поверхности сзади?

– Это кили. А черные звезды означают принадлежность к Императорскому Военно-воздушному флоту.

Вообще-то эти звезды появились случайно. Еще в процессе сборки я велел нанести на плоскости опознавательные знаки, но, забыв уточнить какие, за чем-то нужным умотал в наш мир. Не найдя меня, исполнители поинтересовались у Маши, что такое «опознавательные знаки». Маша была занята и отмахнулась – «звезды». Некоторое время народ пребывал в недоумении относительно их цвета, но потом сообразили, что в Георгиевске никакой краски, кроме черной, и нет. Задним числом Маша придумала, что этим символизируется то, это и еще что-то, не помню уж, чего она там наплела. Но зато фигура получилась простая, самый бесталан-

ный техник не ошибется, а попробуй его заставь, например, орла нарисовать. Тем более двух-главого.

– Пожалуй, – задумался Гиляровский, – мы с вами сейчас и не представляем себе всех возможностей вашей машины. Скажите, а как получилось, что вы вообще занялись изобретением аэроплана?

– Ну, даже и не знаю... Вот как, например, случилось, что вы стали писателем? Есть же много гораздо менее хлопотных занятий – пить водку, например.

– Одно другому не мешает! – захохотал Гиляровский. – Если можно, еще вопрос. Кто кого нашел – вы Георгия Александровича или он вас?

– Процесс был обоюдным, – ответил я. – И сейчас от сотрудничества пользу получают обе стороны.

Беседа с Жуковским протекала на фоне показа нескольких простеньких бумажных моделей, склеенных мной специально для этого.

– Значит, определяем аэродинамическое качество как отношение подъемной силы к силе сопротивления. Оцениваю я его так: пускаем модельку. Видите, планируя с высоты метра, она пролетела метров семь. Значит, ее качество равно семи.

– Правильно, – кивнул Жуковский.

– Далее. Не совсем очевидный факт, но однозначной связи веса и качества нет. Вот, смотрите.

Я приклеил к модельке копейку и снова пустил ее в полет. Модель улетела на пару метров дальше. Приклеил еще копейку – и она пролетела всего пять метров.

– То есть ясно, что для каждой конкретной конструкции есть какая-то оптимальная нагрузка, выше и ниже которой качество падает.

– Точнее, оптимальная скорость, – заметил Жуковский.

Дальше мы побеседовали о профилях крыла и способах управления аэропланом в полете. Когда я как об очевидной вещи упомянул, что аэродинамический центр никоим образом не совпадет с геометрическим, Жуковский восторженно воскликнул:

– Вы можете это доказать?

– Пожалуйста. Берем этот бумажный прямоугольник. Его центр тяжести совпадает с геометрическим, согласны? А теперь пускаем его в полет. Видите, вертится? Значит, аэродинамическая сила приложена не к центру тяжести, а, судя по направлению вращения, спереди от него.

– Поразительно, как вы смогли столь далеко продвинуться такими простыми средствами.

– Для этого потребовались десятилетия опытов, часто неудачных, – я не стал уточнять, что это были не мои опыты, но закончил чистой правдой. – Первую летающую модель я построил, когда мне было десять лет.

– И еще вот что надо сказать, – продолжил я. – Мы с Георгием Александровичем очень надеемся на дальнейшее сотрудничество с вами. Но – только на условиях соблюдения строжайшей секретности. Применение аэропланов будет в основном военное, а наши потенциальные противники имеют гораздо более развитую промышленность, чем Россия. И широкое распространение научных результатов приведет к тому, что воспользоваться ими они смогут раньше нас. В общем, подумайте.

Глава 7

– Внимание! – раздался у меня в мозгу голос Гоши. – Поднимаюсь по лестнице. Полу- часовая готовность!

– Есть получасовая. Маша, давай последнюю пробу.

Стены гаража, задрапированные бархатом и прочими тряпками, озарились мертвенным фиолетовым светом. Яркими пятнами выделялись подсвеченные светодиодами иконы на одной стене и какая-то намалеванная Машей абстрактная хрень на другой. Я покосился на прищипленную к рукаву шпаргалку. Многоваттные динамики, установленные у входа, гулко ухнули – это, по мнению Гоши с Машей, был звуковой эффект явления Старца. Свечение усилилось.

– Вы звали меня, и я пришел! – прогудел я.

По гаражу заметалось эхо реверберации. Маша в углу передвинула несколько тумблеров на своем пульте.

– Тест кресла.

Кресло за моей спиной повернулось вправо-влево, откатилось к стене гаража, потом двинулось вперед и подъехало ко мне. Я сел.

– О чем вы хотели просить меня? – Теперь работали уже динамики кресла.

– Тест инфразвука! – скомандовала Маша.

Я нажал локтем клавишу, и мощный сабвуфер, установленный под сиденьем, уперся в пол. По спине побежали мурашки, восемь герц здорово действуют на нервную систему.

– Все в норме, – Маша встала из-за пульта. – Теперь ждем Гошу.

Пятого мая 1900 года, в полдень, в библиотеке Николая Второго (Зимний дворец) сам воздух, казалось, был наполнен напряженным ожиданием. Императрица, не находя себе места, то вставала, то без сил опускалась на стул. Его Величество несколько растерянно переводил взгляд с супруги на входную дверь и обратно. Только великий князь Георгий стоял спокойно, облокотясь на перила лестницы.

– Скоро? – нервно сцепила пальцы императрица.

– Да, – кивнул Георгий. – Собственно, уже сейчас. Смотрите! – он протянул руку в сторону двери.

Впрочем, никакой двери там уже не было – просто черный круг. С потусторонним звуком, напоминавшим вздох огромного животного, круг превратился в арку, из которой шло бледно-фиолетовое сияние, а в центре стоял величественный старик в синем. За ним можно было разглядеть контуры какой-то фантастической пещеры. Старец перевел взгляд пронзительных голубых глаз с Алисы на Николая и мощным нечеловеческим голосом произнес:

– Вы звали меня, и я пришел.

...Пришел, шел, ол... – несколько раз эхо переместилось из пещеры в библиотеку и обратно.

Царственная чета беззвучно открывала и закрывала рты, говорить пока не получалось.

Старец сделал несколько шагов вперед. Вдруг в глубине пещеры произошло какое-то движение, и оттуда выплыло большое, необычной формы черное кресло. Когда оно оказалось в центре библиотеки, Горный Старец сел в него и сделал жест рукой. Арка перестала светиться и исчезла, теперь вместо нее снова была просто дверь.

– О чем вы хотели просить меня? – Голос Старца теперь стал уже более тихим и человеческим, но все равно казалось, что он говорит в огромном помещении с отличной акустикой, а не в небольшой дворцовой комнате.

Алиса встала, вся бледная от напряжения. Она явно хотела что-то сказать, но губы ее не слушались.

– Успокойся, девочка, – доброжелательно произнес Старец, – и можешь говорить по-английски, если тебе так проще. Хотя мне приятнее слышать русскую речь.

– А-а... Ваше... – императрица беспомощно оглянулась.

– Старец, – негромко подсказал Георгий.

– Скажите, Старец, – наконец справилась с волнением Алиса, – смогу ли я подарить Его Величеству наследника? И когда это будет?

– Зачем? – в голосе Старца лязгнул металл. – Его все равно убьют ребенком.

– Как?! – теперь уже Николай вскочил.

– Штыками. – Старец был невозмутим, но в его глазах императору почудилась тень насмешки. – Труп потом бросят в колодезь.

Он положил руки на подлокотники кресла, и императорская чета вдруг почувствовала, как от неосознанного ужаса перехватывает дыхание.

– Впрочем, вас тоже убьют, Ники и Аликс, – грустно добавил Старец, – если вы не найдете в себе силы изменить ход событий. Это трудно, но возможно.

– Но как можем мы противиться Божьей воле? – с тоской спросил император. – И разве не все предопределено Им?

Повисло тяжелое молчание, Аликс с трудом удерживалась от обморока. Наконец гость снова заговорил:

– Или не дал нам Господь свободной воли? Всем Он в жизни посылает испытания. И никогда эти испытания не являются непосильными. Но и легкими они тоже не бывают. Подумайте об этом.

– Как? Как нам преодолеть грядущий ужас? – встрепелась императрица.

– Только лишь неустанной заботой о благе России. И помните – это ваш крест, и больше ничей! Ваши родственники глупы и корыстны. Лишь он (жест в сторону Георгия) чист душой, за что и был исцелен. Помните – только вы и народ. Между вами никого нет. А народ голодает. Что вы сделали для облегчения этого? Там (жест куда-то вверх) уже переполняется чаша терпения. Вспомните об этом осенью. И когда смерть станет на пороге, не впадайте в грех отчаяния, а покайтесь и позовите меня. Я все сказал.

Старец встал, величавым жестом перекрестил императорскую чету и двинулся к двери, вместо которой снова сияла арка. За ним поспешило кресло.

В гараже я первым делом избавился от контактных линз, затем мысленно похвалил себя, что удержался от напутствия: «И не ешьте на ночь невымытых фруктов». Маша отсоединяла провода от аппаратуры. Сегодня никаких порталов уже не получится, но завтра – в Серпухов. А перед этим отрезать как минимум две трети от надоевшей мне длинной седой мочалки, изображавшей старцевскую бороду.

Ближе к вечеру со мной связался Гоша – оказывается, все это время он толковал Николаю с Алисой то, что я им наплел за пять минут. На следующий раз он предложил после выступления Старца вручать зрителям если не си-ди, то хотя бы валик фонографа с записью концерта, будет меньше вопросов «А что он сказал потом?»

Как и было задумано, Гоша остался в Питере порешать накопившиеся вопросы, а мы с племянницей вернулись в Георгиевск. Там нас ждала новость, повергшая меня в ступор. Оказывается, за время нашего отсутствия произошло сразу и первое в России летное происшествие, и первое ДТП. Вы, наверное, уже догадались – самолет столкнулся с автомобилем. В принципе дело житейское, но ведь автомобиль в России был всего один! Самолетов было три, но два из них без меня никто не трогал. Хорошо еще, что мы подводных лодок не строим, мрачно подумал я и пошел разбираться. Меня, собственно, интересовало – кто начудил?

Как только появился первый (и пока единственный) учебный самолет, была образована летная школа. Курсантов я набрал восемь – два пехотных поручика, два казачьих хорунжих,

два рядовых казака и два казачонка, чьи-то младшие братья. Из них право летать самостоятельно пока заработали один казачонок и один поручик. На моем же квадре вообще никто не должен был ездить!

Быстро выяснилось, что причина была насквозь стандартной – два поручика нажрались, после чего тот, что уже имел право летать, решил покатасть по небу того, кто еще не имел. Хорошо хоть на квадре никто не ехал, его просто выкатили из сарая, чтоб там прибраться. В результате у квадра погнут руль, самолету нужно несколько дней на ремонт, оба урода неведимы. Да, пора писать уставы. Но до этого я собрал личный состав и, стараясь применять как можно меньше цензурных выражений, сообщил, что появление в пьяном виде на аэродроме с дальнейшей службой в авиации несовместимо. И что только на первый раз конкретно у этих двух козлов есть выбор – либо на полгода в аэродромную команду, тряпками оттирать плоскости от касторки, либо собирать манатки куда-нибудь в Кушку. Что интересно, оба выбрали тряпки. Флаг вам в руки, напутствовал я их и пошел разбираться с молодой сменой. Имелась в виду не Маша, а два студента, присланных Жуковским, Миронов и Гольденберг.

Когда я зашел, в комнате, громко именуемой КБ, шла ругань. Я присмотрелся и прислушался. Оказывается, Саша Миронов изобрел тандем, причем бипланный и симметричный – мотор спереди, мотор сзади и два раза по два крыла посередине. Корней же Гольденберг сомневался в летных качествах этого тянитолкая и предлагал мультиплан, только вот он еще не определился, сколько надо крыльев друг над другом, четыре или сразу шесть. Ладно, пусть еще потренируются в изобретательстве, а через некоторое время можно будет начать потихоньку направлять их порывы в нужную сторону.

Спустя неделю вернулся из Питера Гоша. Вскоре он рассказывал мне о результатах своих бесед с Николаем.

– Ты знаешь, он действительно решил следовать нашим установкам. Затребовал материалы по голодающим губерниям. Сам наткнулся на письма какого-то мелкого чиновника, возмущавшегося царившими там беспорядком и казнокрадством...

– И что? – заинтересовался я.

– Вызвал того чиновника к себе. Долго беседовал, записал основные факты, – с гордостью за одумавшегося брата продолжал Гоша, – а потом дал ему секретные полномочия и отправил с инспекцией по России.

– Ой, ё... – схватился за голову я. – Ну что же он за дурак такой, даже отговорить не удалось?

– То есть как это отговорить? Зачем?!

– Ага, значит, там был не один дурак, а... больше. Ну сам посуди, проверять – это уметь надо! И соответствующий склад характера. А мелкого чиновника мгновенно купят на корню или даже, не покупая, просто так ему лапши на уши навешают. Ладно, а с теми фактами, что ваш инициативец сообщил, с ними как?

– Назначено расследование.

– Кому поручено?

Гоша заглянул в блокнот.

– Полковнику фон Вендриху.

– Интересно, что за кадр, надо будет дома в инете посмотреть... Что-нибудь еще занятное было?

– Витте проявил внимание к моей особе.

– А именно?

– Ты знаешь, – смутился Гоша, – такое впечатление, что ему просто не с кем было поболтать. Совершенно ни о чем существенном он не спрашивал.

– Да-а, надо бы тебе диктофон подарить... Более чем уверен, что Сергей Юльевич выяснил все, что хотел, и чуток сверх того. Диктофон... Слушай, а заведи-ка ты себе личного сек-

ретаря. Такого пройдоху, чтоб влезть куда надо без вазелина он с пеленок умел. Вот только где взять? Может, среди твоих казацких писарей найдется?

– Я и сам начинал думать об этом, – признался Гоша. – Так что поищу.

Наша неспешная беседа была прервана воем самолетного мотора над самой крышей, быстро сменившимся треском разваливающегося аэроплана. Еще один учебный полет прошел не совсем безукоризненно.

– Похоже, мне надо отлучиться ненадолго, – вздохнул я. – Да и ты бы со мной сходил, не помешает. Ну, если опять по пьяни... Где там Маша? И пусть «маузер» захватит.

В этот раз я оказался неправ – пьянкой тут и не пахло, совсем даже наоборот. Во время очередного полета казачонку Мишке в руль высоты угодила какая-то летающая тварь с перьями. Деревяшку вывернуло под неестественным углом и заклинило, а паренек, работая только газом и немного элеронами, ухитрился дотянуть до аэродрома и сесть, сохранив и себя, и самолет – разбитое в хлам шасси в такой ситуации не считается. Так что «маузер» тут не нужен... Хотя Гоша так не считал. Запрыгнув на мой квадр, он помчался к своей резиденции и через пять минут прикатил обратно.

– Авиатор Полозов! – торжественно обратился он к казачонку. – За мужество и умение при выполнении полетов присваиваю вам внеочередное звание «ефрейтор» и награждаю именным оружием!

И протянул ему деревянную кобуру с творением немецких оружейников.

– Рад стараться, ваше высочество! – радостно вякнул новоиспеченный шнурок.

– Это самое, – удивился я, – когда это мои звания утвердили?

– Никто твои клоунские чины не утверждал, – ехидно ответило его высочество, – поэтому-то я и могу их присваивать пятнадцатилетнему парню. Подрастет – видно будет.

Чуть позже мы с Гошей продолжили наш разговор.

– Еще я говорил с Ники про Дальний Восток, – сказал он. – И я надеюсь, мне удалось убедить его, что обострять отношения с Японией ни к чему.

– Оно, конечно, хорошо бы, – хмыкнул я, – но делать выводы пока рано. Кстати, насчет Японии. Про Цусиму и прочее ты, я видел, читал. Наверняка уже мысли появились о модернизации наших кораблей.

– Конечно, я только пока еще не придумал, как это пробить. Дядя Алексей – фигура та еще.

– А зачем? Зачем тебе вообще броненосцы? Англичанам они нужны для демонстрации присутствия в колониях, для обеспечения безопасности морской торговли, ну и для борьбы с такими же у противника. А нам – только последнее!

– И что?

– Представь себе рыцаря. Здоровенный мужичище, весь в железе, копьё с телеграфный столб и коняка а-ля слон. Чтоб его победить, нужен либо один еще здоровее и железнее, либо два таких, как он. Или просто выставить против него арбалетчика. Если арбалет хороший, рыцаря можно сразу отпевать. И стоит этот арбалет в двадцать раз дешевле одних доспехов, а там ведь еще лошадь, оружие, да и сам рыцарь вещь недешевая. Это я к тому, что принцип «подобное – подобным» в военном деле работает далеко не всегда.

– Выставь против рыцаря двух пехотинцев, он их стопчет и не заметит. А у арбалетчика против них нет шансов.

– Правильно, любое оружие имеет тактические ограничения. Тот же броненосец в Царицынском пруду много не навоюет.

– То есть ты хочешь сказать, что нам нужны не броненосцы, а средство уничтожения таковых у противника?

– Именно. Вот, смотри.

Я положил на стол свой самодельный передатчик. На другой стол положил приемник, но доработанный – были добавлены два реле, электромотор и аккумулятор для него. Включил питание, подождал, пока прогреются лампы, и нажал кнопку на передатчике. У приемника щелкнуло реле, мотор завертелся. Отпустил кнопку – мотор встал. Нажал другую кнопку – сработало второе реле, и мотор пошел в обратную сторону.

– Ну как?

– Аппаратура радиуправления! – догадался Гоша. – Причем ненамного сложнее обычной радиостанции, я смотрю. И куда же мы ее поставим? На самолет нужно не две команды, а шесть... Значит, на катер?

– Вот именно. Причем на небольшой катер, порядка тонны. Но быстрый, километров шестьдесят как минимум чтоб давал. И под завязку набить аммотолом, понятно.

– Это тридцать три узла, – сосчитал в уме Гоша.

– Да, – согласился я, – хоть мне и грустно, но придется мерить скорость в узлах, а не километрах, как люди. Потому что цели будут иметь скорость именно в узлах. Но ничего, вот как всех противников перетопим, тогда и во флоте можно будет навести порядок. И будут наши корабли не ходить со скоростью десять узлов, а плавать со скоростью восемнадцать километров в час. И моряки, поев в столовой, будут иметь возможность посетить сортир.

– Одна надежда, что я не доживу до свершения всех твоих планов, а то давно бы утопился с горя. На катер будем наш самолетный мотор ставить?

– Вот видишь, сам все и придумал. Осталось найти какого-нибудь судостроителя, пусть нарисует такую лодку, а то я по водоплавающим машинам не специалист.

– Да, и вот еще, – добавил Гоша. – Помнишь, мы говорили про оружейный заводик? Пора уже. Мой отряд начал формироваться, через месяц сюда Богаевский приедет. Желательно к этому времени нам решить, чего же мы хотим в смысле вооружения.

– Денег-то хватит?

– Я именно из этих соображений – мы с Машей зарабатываем быстрее, чем ты тратишь.

– Ну вот, на старости лет еще придется в оружейной автоматике разбираться, – вздохнул я.

– Ладно, не прибедряйся, мне Маша рассказала со слов своей матери, как ты в детстве автоматический самопал построил. Так что вспоминай молодость, и вперед. Да, и вот еще что... – Гоша слегка замялся. – Ты работаешь, но почти ничего не тратишь на себя! У тебя даже дома тут нет.

– Жалко тебе комнаты, что я в твоей резиденции занимаю? Ладно, шучу. Действительно, хибарка не помешает. И, кстати, не только тут. То, что Горный Старец из гаража является, это непорядок.

– Сколько?

– Миллионов шесть хватит. Наших рублей, естественно.

– Тьфу ты, а я уж хотел испугаться. Приобретай, не вопрос.

Глава 8

– Нет, иногда я тебя просто отказываюсь понимать! – Гоша был возмущен. – Нашелся великолепный изобретатель, за несколько лет до Даймлера построивший бензиновый двигатель, вплотную подошедший к созданию дирижабля и подводной лодки, а ты? Что ты пишешь ему? «На каких условиях вы в этом году можете поставить двести пудов арборита». И это при том, что у нас на проектировании самолетов сидят студенты! В чем дело?

– Вот в этом, – я показал ему несколько листов с текстом и рисунками. – Именно в письме от господина Костовича, про которое ты с таким энтузиазмом мечешь икру. Можешь вкратце, одной-двумя фразами, изложить его содержание?

– Если вкратце – нам предлагают принять участие в постройке дирижабля с уникальными данными, и я не...

– Стоп. Найди мне в письме слова «принять участие». Нету их там. А есть предложение – «Дайте мне сто тысяч, и я вам построю дирижабль».

– Сто двадцать, – уточнил Гоша.

– Тем более. И хрен бы с этими тысячами, но ведь это еще не все! Все патенты, полученные в процессе работы, будут его собственностью – а вот на это я не согласен никак. И не только я, это общепринято, если изобретателю даются деньги на реализацию проекта, то финансирующий входит в долю! И часто она больше половины. Гоша, слово «концерн» означает контролируемость всех работ, ведущихся под его эгидой. И кстати. Один-то дирижабль он уже начал строить. Не напомним, чем это завершилось?

– По неизвестным мне причинам работы были остановлены.

– Деньги кончились. А их, между прочим, было выделено двести тысяч. То есть не верю я, что запрошенной суммы ему хватит. И предложенный им вариант сотрудничества для нас неприемлем. А вот авиационную фанеру с его заводика, которую он называет «арборит», мы как раз готовы покупать.

– Значит, ты настаиваешь...

– Именно. Нам нужна его фанера. Нам очень нужны толковые инженеры, и, соберись он работать у нас, за окладом дело не станет. Если наемный труд его не прельщает, мы готовы с ним сотрудничать на условиях: деньги наши, патенты наши, его доля тридцать процентов.

– Жмот!

– Ладно, сорок девять. Но не больше, это принципиально. Вот про это мы ему и напишем.

– Милый, мне кажется, дядя прав, – вступила в дело тяжелая артиллерия в лице Маши. – И еще объясни мне, зачем нам дирижабль? Нам же его держать негде!

– Эх, вас хлебом не корми, только дай загубить идею-другую... Ладно. Тем более что сразу после появления фанеры мне кто-то обещал нормальный самолет, а то на этой этажерке я разучусь летать, даже и не научившись толком. Что у нас еще на сегодня?

– Подготовка к показательным полетам, – взяла слово Маша. – И ты уж меня извини, Гошенька, но вот тебе еще надо тренироваться, этажерка-то она этажеркой, но... э-э-э... упасть на глазах у публики, тем более великому князю, – это нехорошо. Неделя у тебя есть – надо отработать заход на посадку. И что ты там говорил про торжественный прием после полетов?

Да, за всеми нашими делами Маша до сих пор так и не удосужилась побывать ни на одном балу, о чем порядком сожалела. Мне, кстати, тоже интересно было бы посмотреть на Наташу Ростову в исполнении моей племянницы. Понятно, что она способна мастерски послать любого здешнего поручика Ржевского, но хватит ли ей только этого умения? Но теперь – все, масштаб события обяывает. Первые в России и мире публичные полеты! Исполняют дуэтом цесаревич Георгий и новозеландская пилотесса Мария! (Нужно не забыть заставить ее на карту этой самой

Зеландии посмотреть хоть раз, напомнил себе я.) После полетов – тот самый торжественный прием в Петровском дворце, это где сейчас Академия Жуковского.

Когда я в очередной раз вернулся к себе в Москву, квартира показалась мне маленькой и непривычной – так всегда бывает после долгих путешествий. Посмотрел в инете предложения по загородным коттеджам, посетил оружейные сайты, написал пару писем. Гоша тоже сидел в Сети, со своего ноута.

– Ну и ни хрена себе! – раздался с кухни его возглас. – А я-то губы раскатал...

Надо заметить, что общение с нами заметно расширило Гошин лексикон.

– Что там случилось? – заинтересовался я.

– Помнишь, я говорил про мелкого чиновника, которого Ники отправил с инспекцией? Так он его и в вашем мире отправлял, без всяких твоих и моих увещаний!

– И что?

– Ничего. Исследователи, правда, не могут решить – купили того или просто обвели вокруг пальца, но результат нулевой.

– А расследование тоже было?

– Непонятно, но про Вендриха тут много. И ни слова хорошего, что характерно.

– В принципе, я чего-то такого и ожидал. У твоего брата нет воображения, и неочевидные опасности его не пугают. Да и склонен он оттягивать принятие решений до последнего. Будем надеяться, что тиф, которым он заболеет ближе к осени, хоть как-то вправит ему мозги, все-таки чуть не помрет человек. А не ему – так Алисе, та точно страху натерпится.

– Да, с тифом, пожалуй, ты прав... – вздохнул Гоша.

Когда мы в процессе подготовки визита Старца наткнулись на то, что Николай осенью девятисотого года опасно заболеет, Гоша сразу предложил не допустить, профилактика тифа не такая уж сложная вещь. Мне казалось, что лучше оставить все как было. Теперь, значит, одной головной болью меньше, не надо будет еще и по этому поводу с высочеством собачиться.

– Ладно, а по катерам ты себе подборку сделал? – напомнил я (мы решили, что собственно катерами займется Гоша, я только радиоуправлением).

– Да, но у меня сложилось впечатление, что это неэффективное оружие. Очень простые методы борьбы – крупнокалиберные пулеметы и постановка радиопомех.

– Откуда у япов на кораблях крупняки? – возразил я. Потом – да, появятся, а поначалу только противоминная артиллерия. Ей, конечно, тоже быстро наловчатся наши лодки топить, но ведь не сразу же. Первые несколько запусков, думаю, будут удачными. А потом – только ночью. И нормальные помехи искровыми передатчиками не поставишь, это только когда у супостата тоже лампы появятся, так что время есть. Да и не догадаются они сразу про радио.

– То есть как? Катер сам маневрирует... Ну не про провода же они подумают?

– А мы после каждого применения будем распространять дезу об очередном беспримерном подвиге какого-нибудь кочегара или мичмана. Мол, впав в неконтролируемый героизм, набил катер взрывчаткой и с криком «За веру, царя и отечество!» вмазался во вражеский крейсер. Вечная слава и так далее.

– Значит, ради всего нескольких успешных запусков ты предлагаешь строить завод, разрабатывать катера...

– Ты сравни с ценой самого занюханного броненосца, увидишь выгоду. Опять же не пропадет завод, инженеры и рабочие на катерах наберутся опыта и будут потом нормальные торпеды делать.

– Ну ладно, посмотрим. С оружием у тебя как?

– Автомат под маузеровский пистолетный патрон мы производить сможем, он простой. А вот насчет пулемета – не знаю. Я тут сделал подборку, а ты уж пригласи какого-нибудь при-

личного оружейника, того же Федорова, пусть думает. В нашей истории он в основном на энтузиазме работал.

– Может, лучше просто взять детальные чертежи какого-нибудь хорошо зарекомендовавшего себя образца и запустить в производство?

– Вряд ли. Половины нужных сталей в твоём мире небось просто нет, а какие есть – не так называются. Так что конструкцию все равно придется адаптировать, ты мой движок вспомни. Заодно и конструкторская школа может появиться, это поважней одной слизанной модели будет. Так что мобилизуй обаятельность – и за Федоровым.

– Сейчас гляну про него в Сети, и можно домой. Ты как?

– И я с тобой. Только по дороге в гараж сигарет купим. Да, вот еще мусор надо вынести... Ой, блин. Гоша, ты живого м...ка видел? Если нет, пользуйся моментом, он перед тобой.

– Приятно видеть в партнере объективную самооценку, но в связи с чем она вдруг прорезалась? Попробую методом дедукции... Ты взялся выбрасывать пакет с мусором – и прозрел. Ну-ка, что там... Журналы «Нева», хоть и в количестве двух связок, так на тебя подействовать не могли. Три подержанных ботинка тоже. Значит, старый телефон. И что в нем так способствует самокритике?

– Микрофон там угольный. Помнишь, как я три дня маялся, пытался из ваших материалов электродинамический изобразить? Ни фиги и не вышло, вот про угольный я не сообразил, а это простейшее устройство, там, кроме мембраны и угольного порошка, ничего нет. Наверняка его у вас уже изобрели. Ну, значит, смотри про Федорова, а я пока этот укор себе из аппарата вытащу.

Демонстрация достижений авиации пошла успешно. Стараниями Гиляровского при поддержке Гоши был создан должный предварительный ажиотаж, так что на отсутствие зрителей пожаловаться было никак нельзя. Сначала, для затравки, Маша устроила несколько подлетов. Народ воодушевился. Потом они с Гошей летали вдвоем, уже повыше. И, наконец, дозаправив самолеты, учинили сорокаминутный полет над Москвой, к Кремлю и обратно. Я по возможности уклонялся от фотографов и вообще не особенно светился.

Анализ прессы, освещавшей потом это эпохальное событие, несколько обескуражил. Да, много писалось про самолеты. Чуть поменьше – про Гошу и какой он выдающийся. Но рекордсменкой по числу упоминаний оказалась Маша и ее летный костюм. Я и до того подозревал, что джинсы и кожаная куртка племянницы вызовут некое офигение публики, но сильно недооценил его масштаб. В последние дни в Москве уже было замечено несколько аналогично одетых дам, в основном из богемы, и Маша задумалась об издании модного женского журнала.

А по возвращении в Георгиевск снова начались будни. Я наконец засадил студентов за проект нормального самолета вроде абастуманского высокоплана, но чуть побольше и с перегрузочной способностью не менее десяти, чтобы он мог пикировать. Густав приступил к мотору для него, который представлял собой два наших оппозита, положенных друг на друга, с просунутым между ними редуктором для повышения КПД винта.

Из шести оставшихся у меня курсантов трое уже летали вполне терпимо, а ефрейтор Мишка – просто отлично, видно было, что у парня талант. Кстати, видя его успехи, аэродромная братия решила, что в авиации ефрейтор – это лучший пилот, и два хорунжих усиленно тренировались, надеясь в будущем сравняться званием с Мишкой.

Для души я на базе некондиции наших авиадвигателей собрал десятицилиндрный мотоциклетный мотор без коробки передач, но с автоматическим барабанным сцеплением, сунул это в примитивную раму с колесами и, обозвав мотоциклом, использовал для поездок в Серпухов. Глядишь, можно будет со временем пустить изделие в серию, уж всяко лучше «Харлеев» будет, тем более что их еще и нет.

Также я провел опыты с бомбометанием – скоро мы собирались устроить еще одну показуху, на сей раз для военных. Наделали жестяных труб со стабилизаторами, набили их мелом, я приспособил к одной из этажерок простейший бомбодержатель, и понеслось. Спустя день бомбошвыряния я выдал методические указания по проведению этого процесса. Выглядели они примерно так:

– Значит, к цели подлетаем на высоте двести. Задираем нос градусов на десять, скорость падает до сорока пяти. Слегка раздвигаем колени.

(Тут надо сделать небольшое отступление. Я уже говорил, что у «Святогора» кабины не было. Естественно, не было и пола кабины.)

– Раздвигаем колени и смотрим вниз. Как только цель оказывается на линии... да-да, его самого, дергаем рычаг бомбосбрасывателя, затем сразу газу и нос по горизонту. Всем все понятно? Приступаем к полетам.

Через пару дней тренировок народ начал сносно попадать в прямоугольник двадцать на сто метров, символизирующий собой вражеский корабль. Правда, после этого на Георгиевском аэродроме слово «прицел» долго еще имело несколько специфическое, отличное от общепринятого значение.

Гоша помимо своих финансовых махинаций занимался планированием экспедиции на Виллюй, за алмазами, которая должна была состояться в следующем году. Кроме того, он списался с Федоровым, и теперь мы ждали его в гости. Менделеева тоже ждали, но его именно в гости, без мыслей дальнейшего трудоустройства. А вот Зелинский в списке на захомотание значился в одной строчке с Федоровым – пора было обзаводиться собственным нефтеперегонным производством, да и толуол в нашем деле лишним не будет.

Маше из Москвы привезли целую подшивку газет с дискуссией – имеет ли право женщина ходить в брюках? Мнения были разные, но в основном народ склонялся к тому, что да – раз она в них летает и по-другому нельзя, то и ходить, наверное, можно. По поводу же нелетающих дам в штанах мнения были все-таки скорее отрицательные. Вроде бы одну такую даже собирались побить, но полиция оказалась на высоте. Маша, отсмеявшись, написала открытое письмо, в котором предложила любой ревнительнице приличий бесплатно покатать ее на аэроплане – но только чтобы та обязательно была в юбке и не протестовала против наличия на самолете фотоаппарата.

Гоша несколько озабоченно сказал, что теперь вполне вероятен конфликт с Победоносцевым, и это может негативно сказаться на его, Гошиных, отношениях с Николаем. С другой стороны, у Победоносцева уже много с кем были конфликты, в том числе и с Витте, что последнему вроде бы нисколько не мешало.

– Давайте мы вот что сделаем, – предложил я. – Я напишу статью про требования к одежде авиаторов, без всяких половых акцентов, причем скучную, с техническими подробностями. Смысл ее будет в том, что всякие болтающиеся на организме шмотки в авиации недопустимы. Даже куртки следует носить не длиннее чем до половины задницы, иначе это смертельно опасно. Тисну ее в каком-нибудь не очень читаемом журнальчике. И надо заранее купить пару писак, чтобы, если Константин Петрович начнет выступать на эту тему, они тут же возопили бы, что Победоносцев, как человек умный и образованный, просто не мог не знать того, что написано в статье господина Найденова. А значит, это он таким хитрым образом хочет нашу пилотессу угробить! Чем же она ему так досадила? Ну и дальше, уже в зависимости от желтизны газетенки. Гош, ты вроде в своем концерне уже начал информационную службу создавать? Вот пусть это и будет ее первым заданием.

Глава 9

Представьте себе, что вы глава и владелец весьма преуспевающего банка. Естественно, у вас есть пресс-служба, следящая за тем, что говорят и пишут про ваше детище. В ней само собой имеется отдел, который несколько... э-э-э... скользковатыми методами иногда направляет этот процесс в нужную сторону. Тем более самоочевидно, что у вас есть служба безопасности, а уж чем она занимается, вы знаете лучше меня. И еще у вас есть друг, младший партнер по бизнесу, курирующий вопросы технического развития. Вы его искренне уважаете и доверяете ему всецело. Но что будет, если этот друг в один прекрасный момент вам скажет – знаешь, а отдай-ка ты мне в подчинение вон тот пресс-отдельчик, ну и службу безопасности до кучи! В единоличное. Мне так удобней будет.

Думаю, что как минимум ваше доверие сильно пошатнется. Дружба – это, конечно, здорово, но есть же святые вещи! Даже если друг просто начнет лезть с непрошенными советами в эту область, все равно нехорошо. Поэтому, хоть мне и было интересно, я старался без повода в дела Гошиных новообразованных подразделений не соваться. И каково же было мое удивление, когда Гоша как-то раз сказал:

– Про то, что инициатива наказуема, ты наверняка слышал. Понимаю, что у тебя и так дел по маковку, но ведь с планами создания информбюро и СБ выступал именно ты. У меня тоже со временем напряженно, но, главное, ты по складу характера больше подходишь для руководства этими структурами. Возьми их себе, а? Как тебе это компенсировать, сам реши.

– Уже решил. Значит, ты свою благодарность пишешь красивым почерком на листе хорошей бумаги, потом сворачиваешь этот лист в трубочку и... Может, сначала что-нибудь одно?

– Скажите, а двести рублей не смогут спасти гиганта мысли? – поинтересовался Гоша. – Я считаю, что торг здесь неуместен! Короче, забирай оба, а не то дам «парабеллум». Дальше цитировать или хватит?

Гоша помолчал и добавил:

– Не считай меня совсем уж наивным простаком, все я понимаю. Но ты действительно справишься с этим лучше меня. А если вдруг... – он замялся. – Ну, значит, и поделом мне. Вот так.

И вот я принимаю свеженазначенного руководителя информбюро. Бывшего студента, бывшего репортера и несостоявшегося агента охраны – Гоша перехватил его в последний момент.

– Проходите, садитесь, Константин Аркадьевич.

– Можно без отчества, вы ведь старше меня и по возрасту, и по положению.

– Хорошо. Значит, такое дело. После демонстрационных полетов... – я вкратце пересказал ему свою мысль о статье про авиаодежду и про дальнейшее.

– Уточните, пожалуйста. Цель – навредить Победоносцеву?

– В идеале – чтоб Маша могла ходить и летать в чем ей удобнее, не вызывая никаких эмоций у общества и властей, кроме разве что восторженных. Если идеал недостижим, то хотя бы приблизиться к нему. Сам по себе Победоносцев меня не интересует.

– Ну, тогда тут можно чуть иначе... – задумался экс-репортер, – вот скажите, в бытность свою новозеландцем вы вели публичный образ жизни?

– И у меня, и у племянницы там почти нет знакомых – мы жили уединенно. Вы хотите спросить, в каких пределах допустима... эээ... некоторая фантазия в освещении того периода нашей жизни?

– Совершенно верно.

– В весьма широких. Единственное – это чтоб не было вреда репутации. И предварительно согласовать со мной.

– Само собой разумеется. Тогда так... Ведь, я думаю, репутации госпожи Островской как пилота не повредит обнародование того, что несколько лет назад она попала в серьезнейшую аварию... Скажите, а насколько строгие правила хорошего тона в Новой Зеландии?

– Очень строгие, – я понемногу начал понимать его мысль, – прямо пуританские. Гораздо хуже, чем в России или Англии.

– Вот! – обрадовался Константин. – Любящая племянница не могла позволить себе нанести вред дядиной репутации и летала в платье, ежеминутно подвергая свою жизнь огромной опасности.

– И однажды долеталась, – кивнул я, – продолжайте.

– Лучшие врачи с трудом спасли ее жизнь... Какие-нибудь имена назвать можно?

– А если не врачи, а врач? Или, скажем так, целитель, причем огромной силы? Православный Старец, случайно оказавшийся в тамошних лесах. Имя пока лучше не называть, это чуть позже.

– Так тоже можно, – Константин внимательно посмотрел на меня. – Понимаете, госпожа Островская сейчас пользуется огромной популярностью. Но эта популярность... как бы это сказать... холодная. Сейчас Мария для всех слоев общества не живой человек, а символ. Если же мы дадим повод, например, ее пожалеть, то... символ жалеть невозможно, публика вынуждена будет очеловечить этот образ. Под себя, а мы ей в этом поможем. Но разным слоям общества по-разному... Правда, одну трудность я уже вижу. В религиозных кругах могут сказать, что полеты женщины вообще против господней воли.

– Наоборот, – возразил я. – Господь создал женщину более приспособленной к полетам, чем мужчину. И что же теперь, обвинять его в ошибке?

– В чем это выражается?

Я выдвинул ящик стола и достал «маузер».

– Представьте себе, что я выстрелил. Вы испугались. У вас может быть два типа реакции на внезапную опасность. Первая – вы как минимум вздрогнете, а может, отшатнетесь или даже вскочите со стула. Вторая – на короткое время вы оцепенеете. Среди мужчин чаще встречается первый тип реакции, среди женщин – второй. И он гораздо предпочтительней для авиации. В небе резкие движения вообще противопоказаны. И большинство аварий происходит не от того, что пилот не успел что-то сделать, а от того, что, наоборот, успел, но неправильно. Есть даже правило: «Не знаешь, что делать – не делай ничего».

– Это меняет дело, – согласился Константин, – я подумаю, кому и какими словами преподнести ваши сведения. Какие-нибудь уточнения еще есть?

– Конкретно по этому делу вроде всё, возникнут вопросы – обращайтесь в любое время. Есть одно уточнение общего плана. Вы, наверное, задумались: почему перед вами сейчас ставится именно эта задача, далеко не самая важная?

– Вы меня извините, господин Найденов, но о чем тут задумываться? Должны же вы посмотреть, на что способно информбюро, прежде чем привлекать его к действительно серьезным делам.

– Отлично. И еще вам нужно организовать пресс-центр в Георгиевске. Сюда косяком едут всякие интересующиеся, от известных ученых, репортеров до просто зевак, если не хуже. В работе поддерживайте контакты с шестым отделом СБ, я дам им соответствующие указания (вообще-то в СБ пока было только три отдела. Первый – охрана персон, второй – охрана объектов, и шестой – все не очень афишируемые дела).

Следующим на очереди был планируемый в ближайшие дни спектакль для комиссии Главного штаба – это ведомство решило ознакомиться с новым видом войск, для чего к нам уже выехала группа офицеров. Возведение кораблеобразной мишени из досок было уже закончено, и теперь в стороне от Георгиевска наши жестяные бомбы набивались черным порохом. Маша с казачонком репетировали особый трюк – атаку корабля с двух бортов одновременно, осталь-

ные должны были тупо заходить с кормы. Один самолет оборудовали планшетом и карандашами в зажимах, для летчика-наблюдателя, этот экземпляр будет изображать из себя разведчика. Подумав, я добавил туда пару маленьких тубусов с привязанными ленточками, чтобы летчик-наблюдатель, зарисовав во вражеском тылу что нужно, мог сбросить это своим войскам. Еще я предложил Гоше начать красить траву в зеленый цвет, но он не понял юмора.

И вот комиссия прибыла на аэродром. Да-а-а, я-то ожидал толпы генералов и адмиралов, а приехали один полковник, один каперанг и несколько чинов помельче.

– Как, самолетом будет управлять ребенок? – удивился полковник при виде ефрейтора Мишки.

– Этот, как вы изволили выразиться, «ребенок» является лучшим курсантом Георгиевской летной школы, – уточнил Гоша, – и за выдающиеся успехи он уже был награжден. Такая у авиации специфика, чем раньше начать учиться летать, тем лучше будут результаты.

Про Машу гости не спрашивали, уже знали, кто она такая.

Самолеты взлетели. Гости взяли бинокли и приготовились к зрелищу. Оно не заставило себя ждать – первый самолет подлетел к цели, задрал нос, раскорячился над ней и бросил бомбу – ну прямо картина маслом «голубь, загаживающий памятник». Ухнуло, клубы дыма почти скрыли мишень. Вот и второй сталинский... то есть тьфу, гошинский сокол налетел и бросил. Блин, промазал, прицел оторву у гада! Слава богу, третий попал.

И наконец – последняя пара артистов. Комиссия ахнула, всем казалось, что сейчас этажерки столкнутся, но Маша не зря гоняла казачонка. Два взрыва, из дыма полетели доски. Самолеты гуськом потянулись на посадку.

– Мне кажется, что современному военному кораблю такая атака большого вреда не нанесет, – заметил каперанг.

– Бронированному – разумеется. А вот эсминцу или транспорту не поздоровится. И потом, сейчас же атаковали только пять самолетов. Стоит самолет пятнадцать тысяч рублей, то есть вместо одного броненосца можно построить тысячу «Святогоров». Вы только представьте себе эту картину!

Не знаю, что представил себе каперанг, а у меня перед глазами встало фантастическое зрелище. С унылым тарахтением, затмевая горизонт, крылом к крылу по небу ползут тысячи этажерок. Вот первые из них догнали несчастный броненосец... расчеты «Гатлингов» сходят с ума, потому что аэропланы пилотируют сплошь женщины и дети – но промахнуться все равно невозможно. Сбитые сотнями падают на палубу, загромождая ее досками и окровавленными останками. Экипаж шизеет. Наконец под грузом валящегося сверху барахла корабль переворачивается...

Каперанг начал что-то быстро писать в своем блокноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.